

ЛОРА ТАЛАССА

*Песнь
экстаза*

Заклучи сделку,
если посмеешь

18+

Торговец (Лора Таласса)

Лора Таласса
Песнь экстаза

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Таласса Л.

Песнь экстаза / Л. Таласса — «Издательство АСТ»,
2016 — (Торговец (Лора Таласса))

ISBN 978-5-17-116572-7

Все знают, если нужна услуга, смело обращайся к Торговцу. Он может достать все что угодно, но рано или поздно потребует плату. На руке юной сирены Каллипсо – браслет из черных бусин, который невозможно снять. Бусины исчезнут, лишь когда она умрет или расплатится с долгами.

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-116572-7

© Таласса Л., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	44
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лора Таласса

Песнь экстаза

Laura Thalassa
Rhapsodic

Copyright © 2016 by Laura Thalassa

Cover © design.yonderworldly.com

© О. Ратникова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Посвящается моей семье – потому что невозможно стать
личностью и прожить жизнь в одиночку.*

Пролог

Май, восемь лет назад

Кровь у меня на руках, на одежде, на подошвах, даже волосы забрызганы кровью. На груди алеет огромное пятно, и, проведя языком по губам, я, к собственному ужасу, чувствую металлический привкус.

По сверкающему кухонному полу медленно расплзается багровая лужа. И я, наконец, понимаю: выжить после такой потери крови не может никто, даже чудовище, застывшее у моих ног.

Меня трясет, я все еще под действием адреналина. Бутылка с отбитым дном выскальзывает из моих ослабевших пальцев, падает на каменный пол, разбивается вдребезги, и я оседаю на пол.

Кровь пропитывает джинсы.

Стоя на коленях, пристально смотрю на своего мучителя. Его остекленевшие глаза расфокусированы, кожа приобрела неестественный голубоватый оттенок. Если бы я была смелее, я бы приложила ухо к его груди, чтобы убедиться, что его холодное черное сердце навсегда перестало биться. Но я не в силах заставить себя прикоснуться к нему, даже сейчас. Даже сейчас, когда он больше не сможет сделать мне ничего дурного.

«Он сдох. Наконец-то он сдох».

Я слышу собственные сдавленные рыдания. Впервые за много лет я могу вздохнуть свободно. Снова судорожно всхлипываю. Боже, как хорошо! И вот, наконец-то, слезы – слезы застилают мне глаза, текут по лицу.

Я знаю, что не должна чувствовать облегчения. Знаю, что утрату следует оплакивать. Но я не могу. Не могу горевать о *нем*. Может быть, я злобное, бездушное создание. Но я знаю одно: сегодня ночью я, наконец, встретила со своим кошмаром лицом к лицу и выжила.

Он мертв. Он больше ничего мне не сделает, никогда больше не причинит мне боли. Он мертв.

Проходит еще несколько секунд, и приходит осознание.

О боже. Он *мертв*.

Руки дрожат. Передо мной труп в луже крови, точнее, даже в море крови. Одежда пропитана кровью. Крошечные багровые точки покрывают мои книги и тетради, а одна крупная капля застилает лицо Линкольна на странице раскрытого учебника истории.

Я содрогаюсь всем телом, словно от холода.

Рассматриваю руки, чувствуя себя леди Макбет. «*Прочь, проклятое пятно!*» Вскидываю на ноги и бросаюсь к кухонной раковине, оставляя за собой алые следы.

Начинаю яростно тереть ладони губкой. Его кровь въелась в кутикулу, в кожу под ногтями. Я в ужасе понимаю, что не могу ее оттереть, но тут же забываю об этом, заметив, что руки буквально по локоть в крови. Старательно смываю страшные багровые пятна и брызги. Но как избавиться от крови, пропитавшей футболку, от бурых сгустков, склеивших волосы?

Всхлипываю. Нет, все бесполезно. Ничего не выйдет.

Твою мать.

Тяжело опершись о гранитную столешницу, я рассматриваю розовые лужицы, которые образовала смешанная с кровью вода, стекающая с моих рук. Они везде – на столе, на полу, в раковине.

Мне от этого не скрыться, не избавиться.

Невольно бросаю взгляд на тело. На мгновение меня охватывает иррациональный страх: вот сейчас отчим поднимется и набросится на меня. Но труп, естественно, так и лежит неподвижно; я прихожу в себя и начинаю обдумывать создавшееся положение.

Что же мне теперь делать? Позвонить в полицию? Закон защищает права несовершеннолетних. Меня не посадят в тюрьму, просто отвезут в участок на допрос.

А вдруг они решат сделать из меня козла отпущения? Ведь я убила не просто какого-то там рядового гражданина. Я убила очень, очень богатого и влиятельного человека, из тех, кто в состоянии купить и полицию, и судей. И неважно, что это была самозащита. Даже после смерти такие, как он, выходят сухими из воды.

А кроме того, мне придется рассказать все – все, от начала до конца.

Голова кружится, подступает тошнота.

Выбора нет, придется сдаться. И тут приходит спасительная мысль.

Гад, истекающий кровью на полу нашей кухни, знал одного человека, который, в свою очередь, знал еще кое-кого. Типа, который помогает клиентам выбираться из безвыходных ситуаций. Для того чтобы уладить дело, требуется лишь продать частицу собственной души.

И никаких копов, никаких щекотливых вопросов, ни приемной семьи, ни тюрьмы.

И знаете что? Я понимаю, что готова отдать этому неизвестному всю свою душу, целиком – все, что от нее осталось. Мне ничего не нужно, только бы уйти из этого дома свободной и забыть о прошлом.

Я бросаюсь к ящику кухонного стола, где хранятся всякие мелочи, и руки так сильно дрожат, что мне не сразу удастся его выдвинуть. Но я буквально за несколько секунд нахожу нужную визитную карточку и читаю то, что там написано вместо имени, телефона и адреса. На карточке напечатана одна-единственная фраза, и я должна прочесть ее вслух.

Сердце сжимается от страха. После того, как я это сделаю, возврата не будет.

Взгляд мечется по залитой кровью кухне. «Для тебя возврата назад *уже* нет».

Я сжимаю кусочек картона во влажной ладони. Глубоко вдохнув, я произношу магические слова.

– «Торговец, я хочу заключить сделку».

Глава 1

Наши дни

Папка шлепается на стол прямо передо мной.

– Тебе почта, подруга.

Я делаю глоток горячего кофе из кружки и поднимаю взгляд от ноутбука.

Темперанс Дарлинг¹, сокращенно «Темпер» – Богом клянусь, ее действительно так зовут – мой деловой партнер и лучшая подруга, стоит посреди офиса и хитро улыбается.

Я убираю ноги с письменного стола и поддвигаю папку к себе.

Она небрежно машет рукой.

– На сей раз легкие деньги, дорогуша.

У нас каждый раз легкие деньги, и ей это прекрасно известно.

Темпер с видом собственного превосходства оглядывает мой кабинет, помещение размером с чулан. У нее точно такой же.

– Сколько предлагает клиент? – спрашиваю я, снова закидывая ноги на стол.

– Клиентка. Двадцать кусков за одну встречу с объектом – причем ей уже известно, когда и где можно его перехватить.

Я издаю восхищенный свист. Действительно, плевое дело, а не работа.

– И когда же произойдет это свидание? – спрашиваю я.

– Сегодня в восемь вечера, «Фламенко». К твоему сведению, это шикарный ресторан, так что... – взгляд Темпер останавливается на моих выдавших виды ботинках – ...ты не можешь идти туда в *этом*.

Я закатываю глаза.

– О, и еще: он будет там с друзьями.

Ну вот, а я уже размечталась вернуться домой пораньше.

– Ты хоть примерно знаешь, что нужно этой женщине? – недовольно бурчу я.

– Клиентка считает, что ее дядя, наш объект, злоупотребляет своим положением опекуна матери, то есть бабки нашей клиентки. Она подала на этого человека в суд, но хочет немного сэкономить на адвокатах и получить признание, так сказать, из первых рук.

Меня охватывает знакомое возбуждение, становится жарко, сердце бьется чаще. У меня появился шанс помочь пожилой даме и одновременно наказать человека, совершающего самое мерзкое из всех преступлений – того, кто пользуется беспомощностью члена своей семьи.

Темпер замечает румянец на моих щеках, и некоторое время пристально смотрит мне в лицо. Протягивает руку, но вспоминает, где и с кем находится. Бывают мгновения, когда даже она не находит в себе сил сопротивляться моим чарам.

Она резко отшатывается.

– Детка, ты настоящая извращенка, черт бы тебя побрал.

И это совершеннейшая правда.

– Рыбак рыбака видит издалека.

Темпер насмешливо фыркает.

– Можешь называть меня «Нечестивой Ведьмой Запада».

Но Темпер – вовсе не ведьма. Она существо гораздо более могущественное.

Подруга вынимает из кармана телефон и смотрит на экран.

– Вот черт, – недовольно бросает она. – Я бы охотно осталась с тобой поболтать, но мой следующий объект будет в кулинарии «У Луки» меньше чем через час. А сейчас как раз обеденный перерыв, и в городе такие пробки... Мне правда не хотелось бы при помощи кол-

¹ Temperance – умеренность; darling – дорогая; temper – раздражительность (англ.).

довства расчищать себе дорогу на четыреста пятом шоссе, как Моисею, ведущему свой народ через Красное море. Со стороны подобные штучки выглядят подозрительно. – Она поднимается, запихивает телефон обратно в карман. – Когда Эли возвращается?

Эли – наемник, «охотник за головами»; иногда он работает на нас, иногда – на *политию*, правоохранные органы мира сверхъестественных существ. Помимо всего прочего, Эли – мой бойфренд.

– Мне очень жаль, Темпер, но его не будет еще неделю. – Я сообщаю эту печальную новость довольно-таки легкомысленным тоном.

Но это же плохо и неправильно, скажете вы. Дурно радоваться тому, что твой бойфренд уехал, ты осталась одна и можешь свободно распоряжаться своим временем.

Наверное, точно так же неправильно говорить, что его любовь подавляет и душит меня. Я даже боюсь думать о том, что с нами будет дальше, и в глубине души считаю, что нам вообще не следовало начинать эти отношения.

Первое правило нашего сообщества: не встречаться с коллегами. Но однажды вечером, полгода назад, когда наша компания после работы отправилась в бар, я послала все к чертовой матери и нарушила это правило. А потом еще раз, и еще, и еще... пока в один прекрасный день не обнаружила, что у меня появился бойфренд. А я в тот момент вовсе не нуждалась в бойфренде.

– Тьфу ты, – расстроено восклицает Темпер, откидывая голову назад и поднимая взгляд к потолку. Ее афроприческа при этом слегка колышется. – Всякий раз, когда Эли нет в городе, плохие парни принимают за старое. – Она разворачивается к двери, бросает на меня прощальный взгляд и уходит.

Я некоторое время сижу, бессмысленно глядя на досье, потом открываю папку и начинаю читать.

В заказе нет ничего из ряда вон выходящего. Мне не придется ни особенно напрягаться, ни быть жестокой. Ничего такого, что заставило бы меня взяться за бутылку «Джонни Уокера», которую я держу на всякий случай в ящике рабочего стола. Но через какое-то время меня охватывает непреодолимое желание открыть ящик и все-таки налить себе виски.

В этом мире слишком много плохих людей.

Я непроизвольно начинаю постукивать по столу кончиками пальцев, и взгляд останавливается на браслете из ониксовых бусин в несколько рядов, поблескивающим на левой руке. Мне кажется, что каменные шарики не преломляют свет, а поглощают его.

Слишком много плохих людей, и слишком много такого, о чем следовало бы поскорее забыть.

Ровно в восемь вечера я вхожу в модный ресторан; в зале царит полумрак, на столиках, предназначенных для двоих, мерцают свечи. Судя по всему, «Фламенко» – то самое место, куда богатые люди приводят своих возлюбленных.

Я следую за официантом в отдельный кабинет, и мои каблуки негромко постукивают по деревянному полу.

Двадцать кусков. Чертова куча денег. Но я делаю это не ради вознаграждения. Нет, правда в том, что я знаток разного рода зависимостей, и эта – моя любимая.

Официант открывает передо мной дверь, и я вхожу внутрь.

За большим столом оживленно переговаривается группа людей. Дверь за мной закрывается с негромким щелчком, голоса затихают, и все смотрят на меня. Я стою на месте, не делая попыток приблизиться к столу. Взгляд останавливается на Микки Фьюге, лысеющем мужичке лет пятидесяти. Это мой объект.

Моя кожа начинает светиться, когда я позволяю живущей во мне сирене «всплыть на поверхность».

– Все вон.

Мой голос звучит мелодично, словно пение чудесного потустороннего создания. Он зачаровывает.

Гости стремительно поднимаются из-за стола; взгляды у всех остекленевшие, как у зомби.

В этом мое могущество, прекрасное и ужасное, могущество сирены. Способность заставлять людей по доброй воле – а также против воли – делать то, что я пожелаю, и верить в то, во что я приказываю верить.

Чары. Вообще-то, применение чар незаконно. Но мне, как вы понимаете, глубоко наплевать.

– Вечер прошел чудесно, – обращаюсь я к людям, которые проходят мимо меня. – Вы все хотели бы еще как-нибудь встретиться в этом ресторане. О, и еще одно: меня здесь не было.

Когда Микки проходит мимо, я беру его за локоть.

– А вы остаесь.

Остальные уходят, а он останавливается, повинувшись моему голосу, словно муха, запутавшаяся в паутине. В его глазах на мгновение мелькает осмысленное выражение, и я вижу смятение и страх – это разум человека сопротивляется магии сирены. Но потом он полностью подчиняется.

– Давайте присядем. – Я веду его обратно к стулу, устраиваюсь рядом. – Когда мы закончим, вы сможете уйти.

Я чувствую, что от меня по-прежнему исходит магическое сияние, и моя сила нарастает с каждой секундой. Пальцы слегка подрагивают, но я усилием воли подавляю свои страсти – сексуальное желание и склонность к насилию. Можете представить меня кем-то вроде современных Джекила и Хайда. Большую часть времени я просто частный детектив Калли. Но когда возникает необходимость воспользоваться тайным могуществом, просыпается мое второе «я». Сирена – это монстр, который живет внутри меня; она хочет брать, и брать, и брать. Сеять хаос, разрушать, наслаждаться страхом и похотью жертвы. Я бы ни за что не призналась в этом публично, но контролировать сирену весьма непросто.

Я беру из корзинки, стоящей в центре стола, кусок хлеба, подвигаю к себе чистую тарелку, оставленную кем-то из гостей. Наливаю в тарелку немного оливкового масла и балзамического уксуса, макаю в желтую лужицу хлеб, откусываю кусочек.

Разглядываю человека, который сидит рядом со мной. Костюм, сшитый на заказ, искусно скрывает довольно внушительный живот. На запястье сияет «Ролекс». В досье было сказано, что мой «объект» – бухгалтер. Я знаю, что они неплохо зарабатывают, особенно здесь, в Лос-Анджелесе, но чтобы *настолько* неплохо...

– Почему бы нам не перейти прямо к делу, – предлагаю я. Извлекаю из сумки телефон и включаю камеру. Для надежности достаю портативный диктофон, включаю и его.

– Я собираюсь записать наш разговор. Прошу вас, скажите «да» громко и четко в знак того, что вы согласны мне отвечать.

Брови Микки сходятся на переносице, он из последних сил пытается побороть чары. Но его жалкие попытки бессмысленны.

– Да, – наконец, шипит он сквозь стиснутые зубы. Этот тип вовсе не глуп; возможно, он не понимает, что именно с ним происходит, но догадывается, что его сейчас обдурят, обведут вокруг пальца. Нет, не так: он знает, что это *уже* случилось.

Как только он соглашается, я начинаю.

– Вы присваиваете деньги, принадлежащие вашей матери?

Его неизлечимо больной матери, страдающей к тому же старческим слабоумием. Нет, не следовало мне читать это досье. Предполагается, что на работе я должна отключать эмоции, но все же в случаях, когда дело касается детей и пожилых людей, я почему-то всегда поддаюсь неконтролируемому гневу.

И сегодняшний день – не исключение. Наблюдая за жертвой, я откусываю еще один кусочек хлеба.

Он открывает рот...

– С этого момента и до конца беседы вы будете говорить только *правду*, – приказываю я поспешно, не успев прожевать.

Микки закрывает рот; я так и не узнаю, что он собирался сейчас сказать. Я жду продолжения, но он молчит. Теперь он не в состоянии лгать, и мне осталось просто подождать, пока магия вынудит его признаться.

Микки снова сопротивляется моим чарам, однако я полностью уверена в себе. Преимущество на моей стороне. Несмотря на то что он старается сохранить невозмутимое выражение лица, на лбу у него блестят бисеринки пота.

Я продолжаю жевать хлеб, как ни в чем не бывало.

Мужик краснеет, и у меня мелькает мысль, что его сейчас хватит удар. Наконец, он полузадушенно бормочет:

– Да... но как тебе, мать твою, это...

– Тихо.

Он сразу замолкает.

Мерзкая тварь. Обворовывает умирающую мать. Безобидную старушку, чьей единственной ошибкой было решение произвести на свет этого ублюдка.

– Как долго вы этим занимаетесь?

В глазах Микки вспыхивает гнев.

– Два года, – хрипло произносит он не своим голосом и смотрит на меня так, словно хочет взглядом прожечь во мне дыру.

Я не торопясь доедаю хлеб.

– Почему вы это делали?

– Ей эти деньги все равно ни к чему, а я в них очень нуждался. Я собираюсь их вернуть, – добавляет он.

– Ах, вот как. – Я приподнимаю брови. – И какую же сумму вы у нее... одолжили? – спрашиваю я.

Молчание длится несколько секунд. Красное лицо Микки багровеет. В конце концов, он выдавливая:

– Не знаю.

Я наклоняюсь к нему.

– Скажите хотя бы приблизительно.

– Около двухсот двадцати тысяч.

Когда я слышу эту цифру, волна ярости захлестывает меня.

– И когда вы собираетесь вернуть матери ее деньги? – спрашиваю я.

– З-завтра, – заикаясь, лепечет он.

Ага, а я царица Савская.

– Сколько у вас сейчас денег на счетах? – продолжаю я.

Прежде чем ответить, он протягивает руку к стакану с водой и отпивает большой глоток.

– Я... я предпочитаю инвестиции.

– Сколько?

– Чуть больше двенадцати тысяч.

Двенадцать тысяч долларов. Он обокрал собственную мать, живет как набоб, ни в чем себе не отказывает. Но этот позолоченный фасад скрывает полное ничтожество, человечка, у которого за душой всего двенадцать тысяч. И я могу поклясться, что эти деньги тоже будут скоро растрачены впустую, как и все остальное. Есть такой сорт безмозглых людей – деньги утекают у них сквозь пальцы, словно песок.

Я окидываю Микки взглядом, выражающим глубокое разочарование.

– Ответ неверный. Попробуем еще раз, – говорю я, мысленно приказывая сирене, жаж-
дущей насилия, заткнуться и сидеть тихо. – Где деньги?

Верхняя губа жертвы, покрытая потом, подрагивает, и я слышу ответ:

– Я их истратил.

Я выключаю видеокамеру на телефоне и диктофон. Клиентка получила признание, кото-
рое ей требовалось. Тем хуже для Микки, потому что я с ним еще не закончила.

– Опять неверно, – говорю я. Те немногие люди, которые хорошо меня знают, сразу услы-
шали бы в моем голосе новые нотки.

Микки снова хмурится – он ничего не понимает. Я прикасаюсь кончиками пальцев к
лацкану его пиджака.

– Отличный костюм – видно, что очень дорогой. И ваши часы, «Ролекс», штука недеше-
вая, насколько я понимаю?

Чары заставляют его кивнуть.

– Все это дорого стоит, – соглашаюсь я. – Видите ли, я знаю, что у таких, как вы, деньги
просто так не исчезают в никуда. Они превращаются в... как вы только что выразились? – Я
делаю вид, что вспоминаю слово, потом щелкаю пальцами. – В *инвестиции*. То есть немного
трансформируются, вот и все. – Я наклоняюсь к жертве. – А сейчас мы заставим их совершить
еще кое-какие передвижения.

Его глаза становятся круглыми, и я вижу настоящего Микки – не марионетку, которую я
контролировала при помощи магии, но того, кем он был до моего появления в ресторане. Чело-
века слабого, трусливого, но весьма изворотливого и проницательного. Теперь он прекрасно
понимает, что происходит.

– К-кто ты такая? – О, этот ужас в его глазах. Сирена не в силах устоять перед ним. Я
протягиваю руку и похлопываю жертву по щеке.

– Я... я сейчас... – начинает он, запинаясь.

– Ты сейчас будешь сидеть смирно и слушать меня, Микки, – перебиваю я, – и больше
ничего. Потому что в данный момент ты полностью *в моей власти*.

Глава 2

Май, восемь лет назад

Воздух в кухне дрожит, мерцает словно в пустыне над раскаленным песком, и внезапно передо мной появляется *он*. Мне кажется, что его фигура занимает все пространство.

Торговец.

Черт возьми, *сработало*.

Я вижу шестифутового мужчину с густыми длинными светлыми волосами, стянутыми в хвост кожаным шнурком. Торговец стоит ко мне спиной.

Тишину нарушает негромкий свист.

– Итак, один труп, – говорит он, глядя на дело рук моих. Приближается к телу, и тяжелые ботинки выбивают гулкую дробь.

Он одет во все черное, тесная футболка облегает мускулистые руки и спину. Мой взгляд останавливается на левом предплечье незнакомца, покрытом татуировками.

Калли, во что ты ввязалась?

Торговец слегка поддевает тело носком ботинка.

– Хм, прошу прощения, немного ошибся. *Почти* труп.

Эти слова заставляют меня очнуться.

– Что? – Я не в состоянии в это поверить. Давний страх бьется внутри, словно зверь в клетке.

– Это обойдется тебе довольно дорого; не думаю, что ты готова мне столько предложить. Тем не менее, я еще могу вернуть его к жизни.

Вернуть к жизни? Интересно, что курит этот парень?

– Я не хочу возвращать его к жизни!

Торговец оборачивается, и я впервые вижу его лицо.

Смотрю и не могу отвести взгляда. Я представляла себе отморозка и сейчас понимаю, что глубоко ошибалась. Конечно, человек, стоящий передо мной, отнюдь не святой, но он вовсе не отморозок.

Ничего похожего.

Торговец – потрясающий мужчина редкой красоты. Несмотря на волевою челюсть и опасный блеск в глазах, его красоту нельзя назвать грубой. У него высокие, четко очерченные скулы и красивый, но жестокий рот. В его лице с правильными чертами есть нечто загадочное, соблазнительное, что обычно встречаешь во внешности женщин, но не мужчин. Не то чтобы он выглядел женственно, вовсе нет. Этого никак нельзя сказать, глядя на его крепкое мускулистое тело в одежде городского хулигана.

Просто красавчик.

Потрясающий красавчик.

Торговец окидывает меня оценивающим взглядом.

– Нет.

Я растерянно смотрю на него.

– Что – «нет»?

– Я не заключаю сделок с несовершеннолетними.

Воздух снова дрожит, мерцает, и – *о боже мой!* – он уходит!

– Подожди... подожди! – Я хватаю его за локоть. Замечаю, что мерцает не только воздух, но и моя кожа. В последнее время такое со мной часто происходит – мое тело испускает слабое свечение. Торговец застывает на месте, пристально смотрит на мою руку. Я замечаю в его холодных глазах новое выражение: недоумение и гнев уступают место некоему непонятному

мне чувству. Мне чудится, что в кухне стало темнее, чем прежде, и я могу поклясться, что в полумраке за спиной Торговца появляется огромная злобная тень.

Но мгновение спустя видение исчезает.

Он щурится, глядя на меня.

– Кто ты такая?

Я разжимаю пальцы, отпускаю его.

– Пожалуйста, – умоляюще лепечу я. – Мне очень, очень нужно заключить с тобой сделку.

Торговец вздыхает, я угадываю его смятение.

– Послушай, я уже сказал, что не работаю с несовершеннолетними. Иди в полицию. – Несмотря на суровый тон, он по-прежнему не сводит с моей руки странного, тревожного взгляда.

– Я не могу. – Если бы он только знал... – Прошу тебя, помоги мне.

Он переводит взгляд с моей руки на лицо.

Скрипнув зубами, морщится, словно почуяв мерзкий запах. Оглядывает мою окровавленную одежду, забрызганные кровью волосы. Снова сжимает челюсти.

Он внимательно осматривает кухню, задерживается взглядом на теле отчима. Что он видит? Понимает ли он, что это был несчастный случай?

Зубы стучат, словно от холода, и я обхватываю себя руками. Торговец снова смотрит на меня, и выражение его лица немного смягчается – но в следующий миг я вижу перед собой прежнего безжалостного бандита.

– Кто он такой?

Я чувствую, что в горле пересохло, язык не слушается.

– Кто? Он? Такой? – раздельно повторяет Торговец.

– Мой отчим, – слышу я собственный хриплый голос.

Торговец еще некоторое время не сводит с меня немигающего взгляда.

– И он это заслужил?

Из горла вырывается судорожный вздох, и, несмотря на все попытки сохранить самообладание, я снова начинаю плакать. Молча киваю.

Торговец довольно долго разглядывает меня, слезу на моей щеке. Потом отворачивается с недовольной гримасой. Проводит ладонью по лицу, делает пару шагов назад, снова смотрит на меня.

– Ладно, – мрачно соглашается он. – Я помогу тебе... – Он замолкает и, стиснув зубы, смотрит в упор на мое заплаканное лицо... – *Бесплатно*. – Судя по всему, Торговцу стоит огромных усилий выговорить это слово. – Но только сегодня, только один раз. Можешь считать это благотворительной акцией столетия.

Открываю рот, чтобы поблагодарить его, но он поднимает руку, останавливая меня, и крепко зажмуривается.

– Не надо.

Открывает глаза, обводит кухню каким-то новым взглядом. Я чувствую, что его глаза излучают магию. Разумеется, мне известно о существовании параллельного мира, невидимого и недоступного простым людям – мира сверхъестественных существ. Мой отчим построил целую империю благодаря своим магическим способностям.

Но, тем не менее, я никогда не видела такой магии – магии, с помощью которой происходят совершенно необъяснимые вещи. Я изумленно выдыхаю, глядя, как кровь исчезает с пола, с гранитной столешницы, с моей одежды, волос, рук.

Разбитая бутылка растворяется в воздухе. Только что она валялась на полу, и вот ее уже нет. Я не знаю, что это за магия, но чувствую странное покалывание на лице, на руках.

Покончив с местом преступления, Торговец подходит к телу.

Останавливается и с любопытством разглядывает мертвеца. Внезапно застывает, и я догадываюсь о его изумлении.

– Это тот, о ком я думаю?

Наверное, сейчас не самый лучший момент для того, чтобы рассказывать Торговцу правду. Да, я уничтожила *именно* Хью Андерса, самого известного и успешного в стране биржевого аналитика. Этот человек – конечно, за соответствующее вознаграждение – мог рассказать вам все, что вы желали знать о будущем. Когда совершится интересующая вас сделка по продаже наркотиков, реальна ли угроза вашей жизни, схватят ли вас за убийство врага. Если он и не был лучшим в мире провидцем, то, по крайней мере, являлся самым богатым. Однако в итоге ни деньги, ни способность предсказывать будущее не спасли его от смерти.

Какая ирония.

Торговец произносит несколько замысловатых ругательств.

– Ох уж эти чертовы сирены, – бормочет он. – Ваше невезение заразно.

Я вздрагиваю. Да, мне хорошо известна предрасположенность сирен к несчастьям, я в курсе насчет преследующего их злого рока. Моя мать была сиреной, с ней произошло то, что должно было произойти: нежеланная беременность и ранняя смерть.

– У тебя есть родственники? – спрашивает он.

Я кусаю нижнюю губу и, крепче обнимая себя, отрицательно качаю головой. Я совершенно одна в этом огромном мире.

Он снова чертыхается.

– *Так сколько* тебе на самом деле?

– Через две недели будет шестнадцать.

Я ждала этого дня *много лет*. По законам сверхъестественного мира тот, кто достиг шестнадцатилетия, считается взрослым и может начинать самостоятельную жизнь. Но я понимаю, что теперь этот закон обратится против меня. Как только наступит тот самый долгожданный день, меня можно будет судить за убийство. Как взрослому.

До свободы мне оставалось всего две недели. *Две недели*. А потом случилось это.

– Ну, наконец-то, – вздыхает он, – я слышу хоть *одну* хорошую новость. Собирай вещи. Завтра ты отправляешься на остров Мэн.

Я моргаю, не сразу понимая, о чем речь.

– Что? Погоди, как... *завтра*? Мне придется переехать? Так быстро? – У меня буквально голова идет кругом.

– Летний триместр в Академии Пил начинается через пару недель, – отвечает Торговец.

Академия Пил располагается на острове Мэн, крошечном кусочке суши, затерянном в море между Ирландией и Великобританией. Это *самая* престижная закрытая школа в сверхъестественном мире. Я едва ли не всю жизнь мечтала туда попасть. И вот мое желание сбывается, самым странным образом.

– Ты будешь учиться как ни в чем не бывало и ни одной живой душе не обмолвишься о том, что убила Хью, мать его, Андерса.

Услышав имя, я снова вздрагиваю.

– Если, конечно, – добавляет он, – ты не предпочтешь выпроводить меня и разгребать это все самостоятельно.

О господи!

– Нет... пожалуйста, останься!

Очередной страдальческий вздох.

– Я разберусь с трупом и властями. Если кто-нибудь спросит, у него случился сердечный приступ.

Торговец несколько секунд с любопытством рассматривает меня, затем, видимо, вспоминает, что я его раздражаю. Щелкает пальцами, труп отрывается от пола и медленно подни-

мается в воздух. Мне не сразу удастся осознать, что посреди кухни в моем доме парит мертвое тело.

Но Торговца эта картина, видимо, нисколько не смущает.

– Ты должна иметь в виду одну вещь.

– А? Что? – Я все еще не могу отвести взгляда от парящего в воздухе трупа. Выглядит жутковато.

– Смотри на меня, – резко приказывает Торговец.

И я заставляю себя переключить внимание на него.

– Возможно, со временем моя магия утратит силу. Я, конечно, чрезвычайно силен, но это милое проклятие, которое преследует всех вас, сирен, вполне может оказаться сильнее. – Каким-то образом ему удастся сохранять высокомерие даже тогда, когда он признается в собственных слабостях.

– И что тогда будет? – спрашиваю я.

Торговец ухмыляется. Самодовольный засранец, каких свет не видывал. Я уже разгадала его, с ним все ясно.

– Тогда тебе придется использовать свои маленькие женские хитрости, херувимчик, – отвечает он, и в его глазах вспыхивают лукавые искорки. – Они тебе очень пригодятся.

И с этими словами Торговец исчезает, и вместе с ним исчезает и тело человека, которого я убила.

Наши дни

Могущество.

Вот в чем заключается моя зависимость. В свое время она едва не сокрушила меня, едва не поглотила мою душу и разум.

Но это было давно. А сейчас я обладаю чудовищной силой, я управляю ею, контролирую ее.

Отдельный кабинет ресторана освещен мягким светом свечей, горящих в подсвечниках. Я придвигаюсь ближе к Микки.

– Итак, сейчас я расскажу тебе, что будет дальше. Ты вернешь матери украденные у нее деньги.

Блуждающий взгляд толстяка упирается в меня, и на его лице появляется свирепое выражение. Если бы взглядом можно было убить, я была бы уже мертва.

– *Пошла... к чертовой... матери.*

Я улыбаюсь, зная, что улыбка похожа на хищный оскал.

– Слушай меня внимательно, потому что повторять я не собираюсь. Ты понятия не имеешь о том, кто я такая. Но могу тебя заверить, что мне ничего не стоит разрушить твою жизнь, и я не настолько добросердечна, чтобы отказываться от такого удовольствия. Так что, если не хочешь лишиться всего, что тебе дорого, не хами больше.

Обычным людям известно о мире магии, но мы стараемся как можно меньше сталкиваться с теми, кто не наделен способностями. По одной простой причине: когда смертным начинает казаться, что мы, сверхъестественные, их подавляем, начинаются всякие неприятные штуки вроде охоты на ведьм.

Я беру свою сумку.

– А теперь, поскольку ты сам не в состоянии вести себя как любящий сын, я немного помогу тебе, – беззаботно говорю я. Достая из сумки ручку и папку с документами, которые передала мне клиентка.

Отодвигаю в сторону тарелку Микки и раскладываю перед ним бумаги.

Одна бумага – это письменное признание вины, вторая – долговая расписка; обе составлены адвокатом моей клиентки.

– Ты вернешь матери все, до последнего цента. *Плюс* десять процентов.

Микки издает негромкий жалобный писк.

– Что? По-моему, я услышала что-то насчет пятнадцати процентов?

Он яростно трясет головой.

– Нет? Ладно, значит показалось. Даю тебе десять минут на то, чтобы просмотреть документы, а потом ты их подпишешь.

На протяжении этих десяти минут я развлекаю себя тем, что пробую вино и закуски, оставленные гостями Микки. Туфли я снимаю – ненавижу шпильки.

Когда время истекает, забираю у Микки документы. Пролистывая бумаги, бросаю взгляд на человека, сидящего напротив. Его лицо приобрело нездоровый цвет и покрылось потом; я уверена, что под смокингом на рубашке проступили огромные темные пятна.

Убедившись, что бумаги в полном порядке, я прячу их в сумку.

– Итак, мы почти закончили.

– П-почти? – он повторяет это слово таким тоном, словно слышит его впервые.

– Но ты же не думал, что меня удовлетворит пара жалких подписей, верно? – Я качаю головой; сияние, исходящее от моего тела, становится ярче и затмевает дрожащие огоньки свечей. Сирена, живущая во мне, наслаждается моментом. Она обожает играть со своими жертвами. – О, Микки, нет-нет, ни в коем случае.

В этот момент игры заканчиваются, и я приступаю к делу. Я наклоняюсь к «объекту» и вкладываю в слова всю магическую силу внушения.

– Ты справишься. Ты не возьмешь у матери больше ни цента и остаток жизни будешь изо всех сил стараться стать другим человеком. Теперь твоя цель – сделаться достойным сыном и заслужить ее прощение.

Он кивает.

Я вешаю сумку на плечо.

– Повторяю: будь хорошим сыном. Если я услышу, что ты снова взялся за свои грязные делишки – если я услышу о тебе хоть *что-нибудь* плохое, – мы встретимся снова, а ведь ты этого не хочешь, верно?

Микки отрицательно качает головой, бессмысленно глядя в пространство.

Я надеваю туфли и поднимаюсь. Моя работа выполнена.

Все, что нужно – это отдать один-единственный приказ.

«Забудь о моем существовании». Бах – и воспоминание навсегда стирается из вашей памяти.

«Не смотри на меня». Ваш взгляд направлен куда угодно, но только не в мою сторону.

«Расскажи мне свою самую постыдную тайну». Вы открываете рот и выкладываете все.

«Отдай мне свои богатства». Вы в ту же минуту опустошаете свой счет в банке.

«Иди ко дну. Иди ко дну. Иди ко дну». И вы умираете.

У кого-то это был самый любимый приказ в те времена, когда мир был еще юным, когда сирены только начинали обретать репутацию кровожадных существ, заманивающих моряков на скалы.

«Иди ко дну».

В те минуты, когда я остаюсь наедине с собственными мыслями – а это случается довольно часто, – я размышляю о женщинах, которые сидели на прибрежных утесах и пели волшебные песни. Песни сирен заставляли проплывавших мимо моряков сходить с ума и направлять корабли на рифы, где их ждала верная смерть. Действительно ли все было именно так? Действительно ли они желали несчастным смерти? Почему они подстерегали именно этих мужчин? Мифы умалчивают об этом.

Возможно, некоторые из них были такими, как я – может быть, из-за своей красоты они стали жертвами задолго до того, как эта красота даровала им могущество? Может быть, где-то когда-то матрос напал на будущую сирену, у которой еще не было чарующего голоса. Ее сжигали гнев, и тоска, и сознание собственного бессилия, как меня когда-то, и она воспользовалась своей силой, чтобы покарать виновного.

Я размышляю о том, сколько в этих рассказах правды, а сколько – вымысла, и сколько жертв сирен пострадали без всякой вины.

Я охочусь на дурных людей. Это моя вендетта. Мой наркотик.

Стараясь не обращать внимания на боль в ногах после нескольких часов на шпильках, я поднимаюсь на крыльцо своего дома, построенного на высокой скале над одним из пляжей Малибу. Серая краска, покрывающая деревянную обшивку, пузырится и облезает. На кровельной дранке виднеются ярко-зеленые островки мха. Это мой дом, совершенный в своем несовершенстве.

Я захожу внутрь, и даже здесь воздух пахнет океаном. Мой дом невелик – всего три спальни. Кафельные плитки столешниц давно потрескались, и если походить по кухне босиком, ноги будут в песке. Окна гостиной и моей спальни выходят на океан, а противоположные стены в обеих комнатах представляют собой гигантские стеклянные раздвижные двери, через которые можно выйти на задний двор.

Он занимает крошечную полоску суши, за которой крутой обрыв. Деревянная лестница ведет вниз с утеса к пляжу, туда, где холодные волны Тихого океана обрушиваются на калифорнийский песок – и на ваши ноги, если вы этого захотите.

Это место – мое убежище. Я поняла это в тот момент, когда риелтор показал мне дом. Это было два года назад.

Я иду по дому в темноте, не зажигая света, и по дороге избавляюсь от одежды. Одежда и обувь остаются лежать там, где я роняю их. Завтра я все уберу, но сегодня вечером у меня свидание с морем, а потом я отправляюсь спать.

Яркий лунный свет льется в окна гостиной, и я чувствую, что сердце вновь наполняет прежняя тоска, от которой я так и не смогла избавиться.

В глубине души я рада тому, что Эли сейчас вынужден держаться от меня подальше. Он оборотень, и не может жить рядом со мной во время Священной Недели, включающей ночь полнолуния, поскольку в эти дни он не в состоянии контролировать превращение из человека в волка.

У меня же есть собственные причины предпочитать сейчас одиночество, причины, ничего общего не имеющие с Эли и связанные только с моим прошлым.

Я сбрасываю джинсы и захожу в спальню, чтобы взять купальник. В тот момент, когда я уже собираюсь расстегнуть бюстгалтер, прямо передо мной, в полумраке, возникает черная тень.

Подавляя крик, рвущийся из горла, я дрожащей рукой пытаюсь нашарить выключатель. Наконец, мне это удастся, и лампы в изголовье кровати заливают комнату светом.

На моей кровати, откинувшись на подушки, словно у себя дома, расположился Торговец.

Глава 3

Октябрь, восемь лет назад

«Здравствуйте, это инспектор Гаррет Уэйд, полития. Мне необходимо задать вам несколько вопросов касательно смерти вашего отца...»

Я слушаю сообщение на автоответчике, и руки начинают дрожать. Полития занялась моим делом? В мире сверхъестественного это нечто вроде ФБР. Только еще страшнее.

Предполагалось, что никаких вопросов не будет. Предполагалось, что власти не заинтересуются смертью моего отчима. Торговец заверил меня в этом.

«Но это милое проклятие, которое преследует всех вас, сирен, вполне может оказаться сильнее».

Я падаю на кровать и прижимаю пальцы к вискам; телефон по-прежнему зажат в руке. Дождь стучит в окно моей тесной комнатки; серая стена воды и стекающие по стеклу капли мешают мне разглядеть замок Пил. Теперь этот замок занимает Академия, где я учусь.

С той судьбоносной ночи прошло всего пять месяцев. *Пять месяцев*. Слишком мало для того, чтобы сполна насладиться свободой, и слишком мало для того, чтобы власти окончательно отказались считать смерть моего отчима убийством.

Я сама загнала себя в угол в тот момент, когда согласилась на предложение Торговца.

Учебу в Академии Пил и новую жизнь, которую я построила здесь, могут у меня отнять. В любой момент.

Я делаю глубокий вдох.

Поразмыслив, прихожу к выводу, что у меня есть три варианта. Первый: бросить все, чего я достигла, и бежать. Второй: перезвонить офицеру, явиться на допрос и надеяться на лучшее.

И третий: связаться с Торговцем и попросить его разобраться с этим. Но только на этот раз мне придется платить за его услуги.

Простой выбор – не о чем даже думать.

Я вскакиваю с кровати и открываю дверцу шкафа. Достая с верхней полки коробку из-под обуви и снимаю крышку. Черная визитная карточка Торговца лежит на дне, под всякой всячиной, и мне кажется, что бронзовые тисненные буквы слегка потускнели с того дня, когда я в последний раз держала ее в руках.

Я вытаскиваю карточку из коробки, некоторое время разглядываю, верчу в пальцах. Глядя на нее, снова возвращаюсь в ту ночь с ее кровавыми подробностями.

Поверить не могу, что прошло всего пять месяцев.

Моя жизнь стала совсем другой; я приложила максимум усилий для того, чтобы забыть о прошлом, избавиться от его груза.

Я была слабой, но теперь обрела могущество. Теперь я – сирена, которая может подчинить своей воле практически любого, – а может, при желании, и сломить чужую волю. Уверенность в этом – своего рода броня, доспехи, которые я надеваю каждое утро, прежде чем выйти из спальни. Броня дает трещину лишь поздно ночью, когда воспоминания берут надо мной верх.

Я глажу визитную карточку большим пальцем. Нет необходимости вызывать его. Я обещала себе, что больше не буду просить его о помощи. В прошлый раз мне сошло с рук кровавое убийство, и я обрела свободу, но такое везение случается лишь однажды.

Но это все же лучше, чем два других варианта.

И я вызываю Торговца во второй раз.

Наши дни

Я замираю на пороге.

Торговец полулежит, откинув голову на мою подушку, и выглядит при этом, как смертоносный хищник. В его поджаром, стройном теле чувствуется скрытая сила, глаза опасно блещут. Кроме того, мне кажется, что он слишком уж непринужденно чувствует себя на моей кровати.

Семь лет. Семь долгих лет прошло с того дня, как он исчез из моей жизни. И вот теперь он появляется без предупреждения и встречается меня в моей спальне, как будто мы расстались только вчера. И я, мать твою, не имею ни малейшего представления о том, как на это реагировать.

Он лениво, не торопясь оглядывает меня с ног до головы.

– За время, прошедшее после нашего расставания, ты научилась выбирать нижнее белье.

Господи, вот что бывает, когда тебя в буквальном смысле застукают со спущенными штанами.

Я стараюсь не обращать внимания на раздражение, вызванное его фразой. В последний раз, когда мы виделись, я была девчонкой, изнемогающей от безответной любви, а он не желал меня знать.

– Привет, Десмонд Флинн, – говорю я, нарочно называя его полным именем. Кроме меня, оно известно лишь немногим, и эта информация делает его уязвимым. А в этот момент, когда я стою при ярком свете лампы в одном белье и пытаюсь смириться с тем фактом, что ко мне в дом заявился Торговец, мне просто *необходимо*, чтобы он почувствовал себя уязвимым.

Его губы медленно растягиваются в многозначительной, чувственной улыбке, и внутри у меня что-то сжимается от страха; одновременно я чувствую болезненный укол в сердце.

– Я не знал, что на сегодня у тебя запланирован вечер откровений, Каллипсо Лиллис, – отвечает он.

Хищный взгляд Торговца скользит по моему полуобнаженному телу, и я снова чувствую себя неловкой, смущенной школьницей. Я делаю глубокий вдох. Пусть мужчина, сидящий на кровати в моей комнате, выглядит точно так же, как во времена моей юности, сама я уже давно не девчонка.

А он ничуть не изменился: та же самая черная одежда, та же самая внушительная фигура, то же самое поразительно прекрасное лицо.

Я делаю несколько шагов, беру халат, который висит на крючке на двери ванной. Все это время я чувствую на себе пристальный взгляд Торговца. Поворачиваюсь к нему спиной, чтобы надеть халат.

Семь лет.

– Что тебе нужно, Дес? – спрашиваю я, завязывая пояс.

Стараюсь вести себя так, будто ничего особенного не происходит. Что его присутствие в моем доме – обычное дело, что все нормально, хотя это совершенно не так. Видит Бог, это совершенно ненормально.

– Вижу, ты нисколько не изменилась. Ты по-прежнему требовательна.

Чувствуя на шее его горячее дыхание, я нелепо взвизгиваю и резко оборачиваюсь.

Торговец стоит буквально в шаге от меня, так близко, что я чувствую тепло его тела. Я даже не слышала, как он поднялся с кровати и подошел ко мне. С другой стороны, в этом нет ничего удивительного. Магия, которой он владеет, неуловима: если не знаешь, куда смотреть и что искать, то ничего не увидишь.

– Странная черта характера, – продолжает он, прищурившись, – особенно если вспомнить, сколько *ты* мне должна. – Он произносит все это низким, хриплым голосом.

Стоя совсем рядом с Торговцем, я могу разглядеть каждую черточку его лица. Высокие скулы, аристократический нос, чувственные губы, точеный подбородок. Волосы, такие светлые, что кажутся белыми. Нет, он слишком красив для мужчины. Он так красив, что я не могу отвести от него взгляда, хотя и знаю, что мне нельзя на него смотреть.

Сильнее всего меня всегда завораживали его глаза. Радужки окрашены во все оттенки серебра – по краям они обведены темно-серым, а в центре, у зрачков, они совсем светлые. Глаза цвета теней и лунных отблесков.

Вид его лица, его глаз причиняет мне боль – не только потому, что он наделен сверхчеловеческой красотой, но и потому, что несколько лет назад он разбил мое хрупкое сердце.

Торговец берет мою ладонь, сжимает в пальцах, и впервые за семь лет я вижу татуировки на его предплечье.

Я опускаю взгляд на наши сплетенные пальцы, а он отодвигает рукав моего халата, открывая браслет из ониксовых бусин.

Если выразаться точнее, это не браслет, а длинное ожерелье, обмотанное вокруг руки выше запястья. Каждая бусина представляет собой магическую «долговую расписку», и всякий раз, когда я заключаю с ним сделку, на браслете появляется новая бусина.

Он поворачивает мою руку в своих, оценивая свою работу. Я пытаюсь выдернуть руку, но он не отпускает меня.

– Мой браслет по-прежнему хорошо смотрится на тебе, херувимчик, – заявляет он.

Его браслет. Украшение, которое невозможно снять. Даже если бы бусины не были нанизаны на нить из паучьего шелка, не поддающегося ни ножу, ни ножницам, магия, заключенная в них, не позволила бы браслету рассыпаться. Она «приклеивает» ониксовые шарики к моей руке, и я избавлюсь от них лишь в тот день, когда расплачусь со всеми долгами.

Торговец крепче сжимает мою руку.

– Калли, ты очень многим мне обязана.

Когда наши взгляды встречаются, у меня перехватывает дыхание. Он так смотрит на меня... большим пальцем поглаживает нежную кожу моего запястья... Я знаю, зачем он пришел. Я поняла это в то мгновение, когда увидела его в своей спальне. Вот оно, настал момент, которого я ждала семь лет.

Я перевожу дыхание.

– Ты наконец-то явился потребовать долг.

Вместо того чтобы мне ответить, Торговец, не отпуская меня, второй рукой проводит по моему запястью, по семнадцати рядам бусин, и его рука останавливается на последней, триста двадцать второй бусине.

– Сейчас мы немного поиграем в «Правду или действие», – говорит он и снова встречается со мной взглядом. Я замечаю в его глазах озорные искорки.

Сердце колотится о грудную клетку. «После стольких лет он пришел за расплатой». Я все никак не могу до конца этого осознать.

На его губах появляется улыбка заправского соблазнителя.

– Итак, с чего начнем, Калли – правда или действие?

Я беспомощно моргаю, не совсем понимая, что происходит. Десять минут назад я бы рассмеялась в лицо человеку, который сказал бы мне, что дома меня ждет Десмонд Флинн, и что сегодня мне предстоит платить по счетам.

– Значит, действие, – весело говорит он, отвечая за меня.

В душу заползает черный липкий страх. Всем известно, что Торговец берет за свои услуги непомерно высокую плату. Причем обычно это не деньги – он не нуждается в деньгах. Нет, чаще всего его требования носят, так сказать, личный характер, и всякий раз расплачиваться приходится с процентами. Учитывая, что я заключила с ним триста двадцать две сделки, нетрудно понять, что сейчас я целиком и полностью в его власти. Если ему взбредет в голову, он может приказать мне стереть с лица земли целую деревню, и я не смогу отказаться; я обязана выполнять его желания до тех пор, пока не исчезнет последняя ониксовая бусина.

Торговец – очень опасное существо, и я понимаю это как никогда ясно сейчас, когда он вертит в пальцах «долговую бусину» и не сводит с меня холодного, расчетливого взгляда.

Я пытаюсь откашляться и хрипло спрашиваю:

– И что же это за действие?

Он снова делает паузу, отпускает мою руку, придвигается совсем близко, вторгаясь в мое личное пространство. Продолжая смотреть в глаза, он обнимает меня за шею, заставляет откинуть голову назад.

«Что происходит?» – проносится у меня в мозгу.

Я смотрю на Торговца снизу вверх, не мигая. Он слегка улыбается, потом наклоняется, и мне кажется, что его взгляд проникает в душу.

Я замираю, когда его губы касаются моих, и когда он целует меня, целует по-настоящему, все мое тело расслабляется, и кожа начинает светиться. Это просыпается сирена. Секс и кровь – ее пища.

Пальцы обхватывают горячую мужскую руку, сжимающую мое запястье. Я чувствую бие-ние его пульса, чувствую, как твердеют под кожей крепкие мышцы Десмонда.

«Он действительно здесь, все это по-настоящему». Я едва успеваю додумать эту мысль, когда поцелуй заканчивается, и он отстраняется.

Торговец смотрит на мое запястье, и я, проследив за его взглядом, вижу, как одна из бусин начинает мерцать и мгновение спустя исчезает. Поцелуй был тем самым «действием», которое от меня требовалось – первая плата, которую взял с меня Торговец.

Я прикасаюсь к губам кончиками пальцев, все еще чувствуя вкус его поцелуя.

– Но я же тебе безразлична, – в смятении шепчу я.

Он протягивает руку, проводит пальцами по моему светящемуся лицу. Если бы он был человеком, то сейчас полностью подпал бы под мои чары. Но он вовсе не человек.

Глаза Торговца поблескивают – я целый год потратила на то, чтобы запечатлеть в своей памяти этот блеск, а потом семь лет безуспешно пыталась его забыть.

– Я вернусь завтра вечером. – Он в последний раз оглядывает меня с головы до ног, приподнимает бровь. – Даю тебе бесплатный совет: приготовься, потому что в следующий раз поцелуем ты не отделаешься.

Занимается новый день, а я все еще не сплю и по-прежнему совершенно не понимаю, что происходит. Обняв колени, я сижу в халате на траве у обрыва и вдыхаю соленый морской воздух. Рядом стоит почти пустая винная бутылка.

Я уже позвонила Темпер и сказала, что сегодня меня в офисе не будет. Знаете главное преимущество собственного бизнеса? Вы можете взять выходной, когда пожелаете.

Я смотрю на гаснущие звезды; небо на востоке постепенно светлеет, и царство Торговца уступает место дню.

Бросаю быстрый взгляд на свой браслет. Почему-то теперь, после исчезновения одного блестящего шарика, я чувствую себя иначе, чем вчера. Осталось всего триста двадцать одно одолжение, и я уверена, что расплата за остальные будет гораздо серьезнее.

Я в очередной раз провожу по губам кончиком пальца. Вчера вечером я ошиблась. Когда-то я была *небезразлична* Десу. Но он относился ко мне не так, как я к нему: я любила его всем сердцем, он был для меня единственным, самым лучшим из всех. В тот день, когда он меня покинул, мое сердце едва не разорвалось; нанесенная им глубокая рана не затянулась до сих пор, и ни алкоголь, ни другие мужчины, ни работа не помогли мне исцелиться.

Да, на мне висит огромный долг, но я не сожалею о том, что когда-то просила Торговца об услугах – не сожалела ни одного мгновения. Он помог мне избавиться от монстра – за это я продала бы ему даже душу. Но при мысли о том, какую цену мне еще предстоит заплатить, меня охватывают неуверенность и тревога. Он может потребовать у меня все, что угодно.

Я говорю себе, что нужно позвонить Эли. Настал момент расставания.

– Привет, детка, – доносится из трубки низкий, хриплый голос Эли. Он не любит долгих разговоров и секретов; последнее как раз и угрожает нашим отношениям. Ведь у меня секретов не меньше, чем у Торговца, который зарабатывает на жизнь чужими тайнами.

Эли прекрасно понимает, что я многое скрываю от него, и мужская гордость побуждает его настойчиво уговаривать меня стать с ним более открытой. Оборотни по натуре чертовски откровенны. Их основной жизненный принцип: «делиться – значит любить».

Я стою, облокотившись о кухонный стол.

– Эли... – В голову ничего не приходит, и я в досаде потираю лоб. Я начала морально готовиться к этому дню уже очень давно, но легче от этого не становится. Я собираюсь с силами и предпринимаю вторую попытку. – Эли, мне нужно рассказать тебе кое-что о себе. И я знаю, что это тебе очень не понравится.

Нельзя затягивать неприятный разговор; следует просто сказать, что мы расстаемся, и сбросить звонок. Сначала я подумывала именно так и сделать. Но потом решила, что и так очень некрасиво поступаю, сообщая ему о разрыве по телефону. Я должна хотя бы объяснить причину.

– Все в порядке? – В его голосе явственно слышны угрожающие нотки. Это голос волка. Нет, сейчас не время обрушивать на него такие новости.

«Надо было сделать это несколько месяцев назад». Несколько месяцев назад, когда между нами было... что? Дружеский секс? Внеурочная работа по вечерам? Ни за что и никогда я не стала бы выдавать своих тайн Эли, известному оборотню, чья работа включает охрану закона и порядка в сверхъестественном мире, который в своей стае сам *является* законом. Нет, большинство моих секретов может принести мне только неприятности – большие неприятности.

– Все нормально... просто я хотела сказать... помнишь мой браслет?

Боже, вот оно. Час расплаты.

– Ну, – роняет он.

– Этот браслет – не просто украшение.

Молчание.

– Калли, давай поговорим об этом, когда я вернусь, ладно? Сейчас не самое лучшее время для...

– Каждая бусина означает услугу, за которую мне придется расплачиваться с Торговцем, – быстро говорю я. Мне кажется, что горло сжимает спазм, когда я произношу эти слова.

Для большинства обитателей сверхъестественного мира Торговец – существо мифическое. А тем, кто осведомлен немного лучше, известно, что он якобы не заключает с одним и тем же клиентом больше двух сделок и никогда не ждет столько лет, прежде чем прийти за расплатой.

Некоторое время мой собеседник молчит – это не предвещает ничего хорошего. Наконец, Эли говорит:

– Скажи, что это шутка, Каллипсо. – Это даже не голос, а скорее, рычание.

– Я не шучу, – мягко возражаю я.

Снова рычание, на сей раз настоящее, волчье.

– Этот человек – разыскиваемый преступник.

Как будто я не в курсе этой маленькой подробности.

– Это произошло очень давно. – Я пытаюсь оправдаться перед Эли, сама не зная, зачем.

– И почему ты рассказываешь мне об этом именно сейчас? – Из-за звериного рычания почти невозможно разобрать слова.

Я делаю глубокий вдох и говорю:

– Потому что он приходил ко мне вчера вечером.

– Он... приходил к тебе? Вчера вечером? Куда приходил? – возмущенно рычит оборотень.

Я закрываю глаза. Все пошло совершенно не так, как надо, и я знаю, что дальше будет только хуже.

– Ко мне домой.

– Расскажи, что произошло. – Слушая голос Эли, я сомневаюсь, что он выдержит этот телефонный разговор еще хотя бы несколько минут.

Я пристально разглядываю облупившийся лак на ногтях.

«Просто скажи это, и все».

Кроме меня и Деса, о моих долгах знает только Темпер.

– Я заключила с ним триста двадцать две сделки. За одну услугу я уже расплатилась. За остальные мне придется расплачиваться начиная с сегодняшнего вечера.

– Триста двадцать две сделки? – ошарашенно повторяет Эли. – Калли, но Торговец никогда так не...

– Никогда так не делает? Ошибаешься, и вот результат, – перебиваю я.

Очередная зловещая пауза. Должно быть, Эли размышляет о том, что заставило Торговца отступить от своих правил. И я догадываюсь, в какой момент он приходит к своим собственным выводам.

Я убираю телефон подальше от уха, чтобы рычание Эли не оглушило меня, и слышу, как что-то разбивается вдребезги.

– Чем ты думала, когда заключала сделки с Королем Ночи?

С Королем Ночи. Для Деса улаживание чужих проблем – всего лишь побочный заработок. Я не отвечаю. Я не могу ничего объяснить, не открывая других секретов, еще более опасных.

– И о чем же он попросил тебя? – различаю я сквозь волчий рык.

Мне становится по-настоящему страшно. Моя жизнь за одну ночь перевернулась с ног на голову. Я прекрасно знаю, кто такой Торговец, и знаю, что чего бы он ни потребовал в качестве расплаты, это наверняка будет связано с нарушением закона.

Эли ни за что не потерпит подобного.

Я должна сказать, *должна*.

– Эли, я не могу больше с тобой встречаться, – шепчу я. Эта фраза маячила где-то у меня в подсознании с самого начала наших отношений. Просто до сегодняшнего дня у меня было множество причин не произносить ее вслух, и я упорно отказывалась слушать свой внутренний голос.

И вот теперь, когда роковые слова, наконец, произнесены, волна облегчения захлестывает меня. Это неправильная реакция. Расставание с бойфрендом – печальное событие; я должна сейчас грустить, а не чувствовать... *освобождение*. Но я чувствую именно невероятное облегчение от вновь обретенной свободы. Все это время я играла с несчастным, отчаянно пытаюсь заглушить боль в израненном, страдающем сердце в объятиях того, кто не был мне предназначен.

– Калли, ты же это не серьезно? – На сей раз волк не рычит, он воет.

Я закрываю глаза. Нетрудно понять чувства Эли; его вой полон боли и сердечной тоски.

Так будет лучше для нас обоих.

– Эли, – продолжаю я, – я не знаю, о чем хочет попросить меня Торговец, и я должна ему за триста оказанных услуг. – Мой голос прерывается.

Я бросаю Эли. Ради чего? Ради кого? Ради воспоминаний и обломков прошлого. Ради мужчины, который семь лет назад разбил мне сердце, который собирается командовать мной, отдавать приказы. И все это время мне придется напоминать себе о том, что в происходящем виновата только я, и никто иной.

Тогда, в юности, я считала его своим спасителем; отчаянно желая удержать его рядом с собой, я, как дурочка, заключала с ним бесконечные сделки, одну за другой. И с каждым днем влюблялась все сильнее.

Ради любви я продала Торговцу свою жизнь и свободу, а взамен не получила ничего, кроме зыбких иллюзий и несбывшихся надежд.

– Калли, я не хочу бросать тебя только потому, что...

– Он поцеловал меня, – перебиваю я. – Вчера вечером Торговец *поцеловал* меня. Так я расплатилась с первым долгом.

Я собираюсь по возможности щадить чувства Эли, потому что он хороший человек, но кроме того, мне необходимо, чтобы в дальнейшем он держался от меня подальше. Я понимаю, что вожак стаи хочет защитить меня – *спасти* меня. А если он будет считать, что я тоже этого хочу, он начнет охоту на Деса и отыщет его на краю земли; эта охота закончится только после смерти одного из них.

Но я не могу допустить войны между ними. Ведь, в конце концов, в сложившейся ситуации виновата только я, эти долги – мое бремя, и нести его мне.

Я из последних сил заставляю себя продолжить разговор.

– Я не знаю, чего он захочет от меня сегодня ночью, но, чем бы это ни было, я обязана буду выполнить его просьбу. Мне очень жаль, – с трудом заканчиваю я. – Я не хотела.

Я слышу в трубке тоскливый волчий вой. Эли до сих пор не ответил мне ни слова, и у меня складывается впечатление, что он просто *не может* говорить.

Я сжимаю пальцами переносицу. Настало время перейти к самой неприятной части разговора.

– Эли, – неуверенно говорю я, – если он заставит меня совершить что-нибудь незаконное, причинить кому-то вред, тебе, возможно, придется... – Я замолкаю и яростно тру лоб.

Частью работы Эли как «охотника за головами» сверхъестественного мира является отслеживание и уничтожение паранормальных преступников. Возможно, скоро я стану одним из его «объектов».

– Не думаю, что тебе стоит беспокоиться насчет причинения вреда невинным жертвам, – грозно рычит Эли. – У этого подонка кое-что другое на уме.

Глава 4

Октябрь, восемь лет назад

– Опять ты! Ничего себе! – восклицает Торговец, материализовавшись в моей крошечной комнатке.

Я вздрагиваю и невольно делаю несколько шагов назад. Я вызываю Торговца уже не в первый раз, и мне следовало быть готовой к его неожиданному появлению, но, видимо, быстро привыкнуть к такому невозможно.

Мгновение спустя я обретаю дар речи.

– Твоя магия теряет силу. – Вообще-то, я собиралась бросить ему в лицо обвинение, но вместо обвинения выходит жалкая мольба.

Торговец пренебрежительно осматривает мою убогую спальню.

– Мне кажется, я тебя об этом предупреждал, – равнодушно бросает он, подходит к окну и смотрит на темное море сквозь залитое дождем стекло.

Намек звучит весьма недвусмысленно: ни я, ни мои проблемы его не интересуют.

– Я хочу быть уверенной в том, что такого больше не произойдет.

Торговец оборачивается и окидывает меня пристальным, ледяным взглядом.

– Итак, наша маленькая сирена желает заключить новую сделку? – усмехается он, скрестив руки на груди. – Мне не удалось запугать тебя в первый раз?

Я разглядываю его белые волосы, рельефные мышцы рук.

Да, он меня запугал, и это еще слабо сказано. В нем чувствуется что-то от хищного зверя. Хищник, явившийся из иного, таинственного мира. Но в отчаянные времена приходится прибегать к отчаянным мерам.

– Что ты согласна отдать мне? – спрашивает он и сокращает расстояние между нами. – Какими темными и мерзкими тайнами ты готова со мной поделиться? – продолжает он, оказавшись совсем рядом. – Ты ведь слышала о том, что я очень люблю чужие секреты, верно?

Мне хочется попятиться, отшатнуться, но какой-то первобытный страх приковывает меня к месту. Торговец задумчиво рассматривает меня.

– Ради сирены... хорошо, ради сирены я готов сделать исключение. Ты отдашь мне то, чего я потребую – что угодно. Скажи мне, херувимчик, ты готова выполнить *любое* мое желание?

Это страшное существо стоит совсем близко, и у меня от ужаса перехватывает дыхание.

– Ты сможешь убить, если я прикажу? – очень тихо спрашивает он, и его горячее дыхание обжигает мне кожу, губы щекочут ухо. – Ты готова отдать мне свое тело?

Боже, он что, серьезно? Неужели он и вправду потребует от меня такого?

Торговец скользит носом по моей щеке и, заметив мой страх, смеется.

– Я уже говорил тебе, что не заключаю сделок с несовершеннолетними. Не стоит разрушать свою молодую жизнь, давая невыполнимые обещания.

Воздух вокруг него мерцает.

Да, он напугал меня до смерти, тогда и теперь, но на этот раз я снова в безвыходном положении, под угрозой моя недавно обретенная свобода. Я не могу позволить ему уйти. Все просто. Сирена «всплывает на поверхность», она буквально дрожит под кожей, жаждет вырваться на свободу. Я бросаюсь к Торговцу и светящейся рукой хватаю его за запястье.

– Я согласна на любую сделку, – шепчу я, стараясь вложить в эти слова все свои чары. – Я уже совершеннолетняя.

Это правда: в сверхъестественном мире мы становимся совершеннолетними в шестнадцать лет. Такой закон был принят еще в древности, и с тех пор никто не удосужился его изменить.

В данный момент это меня вполне устраивает.

Торговец некоторое время смотрит на мою руку с таким видом, будто к нему прикоснулись впервые в жизни, и я чувствую мимолетный укол совести. Нехорошо манипулировать чужой волей.

Но что поделать, настали отчаянные времена.

Улыбка исчезает с губ Торговца, брови сходятся на переносице, лицо становится суровым.

Он резко отдергивает руку.

– Как ты смеешь лезть ко мне со своими жалкими чарами? – Его громоподобный голос заполняет комнату, и я отступаю.

Похоже, идея действительно была неудачной.

– На тебя это не действует? – лепечу я. Неужели хоть кто-то в сверхъестественном мире способен воспротивиться приказу сирены?

Торговец снова шагает ко мне, его подбитые гвоздями ботинки зловеще стучат по полу. Он в ярости, это видно.

Он наклоняется ко мне так близко, что прядь его белых волос касается моей щеки.

– Хочешь спустить свою жизнь в унитаз, заключив со мной сделку? – Он улыбается уголком рта, и в его глазах вспыхивает искорка интереса. – Отлично, я согласен.

Наши дни

– Должен сказать, во сне ты выглядишь так себе.

Я перекатываюсь на постели и протираю глаза. Убрав руку, вижу Торговца – он стоит рядом с кроватью, скрестив руки на груди и склонив голову набок. Он изучает меня, словно экзотическую птицу в зоопарке; в каком-то смысле, так оно и есть.

– Что ты здесь делаешь? – бормочу я сонно.

– Возможно, ты не в курсе, но уже вечер. Я пришел за своей платой. – Услышав тон, которым Торговец произносит слово «плата», я чувствую, как по коже бегут мурашки. Комнату освещают лишь серебристые лучи луны, проникающие в окно у него за спиной.

Я издаю страдальческий стон. Я проспала целый день. Отключилась после телефонного разговора с Эли...

Торговец щелкает пальцами, и одеяло соскальзывает с меня.

– Дес, что ты?..

Он цыкает на меня.

– В этой пижаме ты тоже смотришься не очень, херувимчик. А я-то надеялся, что за столько лет ты научилась подбирать себе что-то более... подходящее.

подавляя зевок, я поднимаюсь с постели.

– Какая разница, на что ты надеялся, – бормочу я и прохожу мимо, не глядя на него. Вчера появление Деса разбудило в моей душе полузабытую давнюю боль, но сегодня я чувствую лишь раздражение. Ну и, честно говоря, немного влечения, так что сердце сбивается с ритма. Но я стараюсь разжечь в себе именно раздражение.

Иду в ванную, стараясь как можно незаметнее вытереть с подбородка натекшую во сне слюну.

Торговец следует за мной; судя по всему, он получает удовольствие от происходящего и от дурацкого положения, в которое меня поставил.

– Я так и знал, – усмехается он.

Вместо ответа я захлопываю дверь у него перед носом. Наверное, нельзя вести себя так с Королем Ночи, но я чертовски зла, и мне плевать.

Не успеваю я отойти на пару шагов от двери, как раздается грохот и треск. Я оборачиваюсь и вижу Торговца на пороге ванной. Сорванная с петель дверь вот-вот рухнет на пол.

– Я еще не закончил, – спокойно говорит он. Его глаза загораются, когда он скользит по мне взглядом; и он кажется мне одновременно прекрасным и пугающим.

– С тебя новая дверь, – замечаю я.

Десмонд негромко смеется, и я слышу в этом смехе угрозу.

– Прежде чем мы перейдем к тому, что я должен тебе, следует разобраться с *твоими* долгами.

Смотрю на него с ненавистью: я знаю, что нахожусь в его власти.

– Что такого важного ты хотел мне сказать, ради чего стоило вышибать дверь моей ванной? – спрашиваю я, скрестив руки на груди.

На покрытом татуировками запястье Торговца прямо из воздуха материализуются часы, и он постукивает по циферблату.

– Время, Калли, время. У меня сегодня еще несколько важных встреч. Ты должна быть готова через двадцать минут.

– Ладно.

Я подхожу к душевой кабине и включаю воду. Придется поторопиться.

Обернувшись, я вижу, что Торговец удобно устроился на тумбе рядом с раковиной, оперся спиной о стену около зеркала и вытянул ноги, обтянутые черными кожаными штанами.

– Убирайся, – говорю я.

Он расслабленно улыбается.

– Нет.

– Я серьезно.

Он приподнимает бровь.

– Я тоже.

Я в досаде провожу рукой по волосам.

– Я не буду перед тобой раздеваться.

– Не раздевайся, – он пожимает плечами. – Принимай душ в одежде, я не против.

Ну, да, конечно!

– Если ты сейчас же не выйдешь, я пойду мыться в другое место.

– В ванной рядом с комнатой для гостей кран не работает, – усмехается Десмонд, разгадав мой блеф. У меня глаза от изумления лезут на лоб, но я вспоминаю, что знать чужие секреты – его работа.

Он не уходит.

– Ладно, – говорю я, снимая футболку. – Наслаждайся стриптизом, потому что больше ты от меня ничего не получишь.

От его смеха я покрываюсь мурашками.

– Не обманывай себя, милая. На твоём запястье еще много бусин, и я намерен получить от тебя многое, очень многое.

Я бросаю на него очередной мрачный взгляд, захожу в душевую кабину и раздеваюсь, не обращая внимания на то, что вода моментально пропитывает ткань. Занавеска полностью скрывает меня.

Я стаскиваю мокрые пижамные штаны и, стараясь поточнее прицелиться в Деса, швыряю поверх занавески.

Он зловеще усмехается, и я понимаю, что не попала.

– Эти детские выходки не помогут тебе уйти от судьбы, Калли.

Ничего, зато настроение у меня немного улучшается. Я бросаю в Торговца спортивный бюстгальтер, потом трусы. Слышу, как влажные тряпки шлепаются на кафельный пол.

– Мокрой твоя пижама выглядит не лучше, чем сухой. Очень жаль.

– Похоже, ты по-прежнему думаешь, что я покупаю вещи с единственной целью – понравиться тебе, – ядовито усмехаюсь я.

Он не отвечает, я тоже молчу.

«Ничего здесь такого уж страшного или неловкого нет», – думаю я, растирая себя мочалкой.

– Зачем ты пришел, Дес?

– Ты знаешь, зачем, – говорит он.

Взимать долги.

– Я имею в виду, почему именно сейчас? Ведь прошло семь лет.

Семь лет полного молчания. И подумать только, ведь когда-то мы с ним были практически неразлучны...

– Ты считала годы, проведенные в разлуке со мной? – с нарочитым удивлением спрашивает Дес. – Если бы я не знал, как ты на самом деле ко мне относишься, то решил бы, что ты по мне скучала.

Мне чудится горечь в его голосе, но я отбрасываю эту нелепую мысль.

Я выключаю воду, высовываю руку из-за занавески и достаю полотенце.

– Ты прекрасно знаешь, как я к тебе отношусь. – С этими словами я заворачиваюсь в полотенце и выхожу.

– Слова не камни – не могут ранить, – усмехается он и спрыгивает с тумбы. – А теперь поторапливайся, ангел. Нам нужно встретиться кое с кем, заехать в несколько мест.

И он выходит из ванной.

Я едва успеваю надеть свое дурацкое белье, когда Торговец бросает очередной взгляд на часы.

Выйдя из ванной, он усаживается в кресло и ждет, пока я оденусь. Он сидит, закинув ногу на ногу, его лицо и поза выражают крайнее нетерпение. Меня не оставляет нелепая мысль: он стережет меня, боится, что я попытаюсь сбежать.

Как будто из нас двоих склонна к бегству я, а не он.

– Время вышло, Калли. – Он встает и идет ко мне. В его движениях есть что-то от хищника.

– Подожди... – Попятившись, я натыкаюсь на комод. С волос капает вода, я даже не успела обуться.

– Нет, – тоном, не терпящим возражений, отвечает он, делает последний шаг и хватается меня.

В последний момент я успеваю открыть ящик комода и вытащить пару носков. И вот Десмонд уже держит меня в объятиях. Он держал меня так когда-то, в те далекие времена... Он прижимал меня к себе и баюкал, пока я рыдала. Потом я засыпала, и он часами лежал рядом со мной, чтобы разбудить, когда мне снова приснится кошмар.

Но до вчерашнего вечера Торговец ни разу не целовал меня – даже не пытался. В юности мне оставалось лишь мечтать об этом.

– Это действительно необходимо? – спрашиваю я, имея в виду то, что он держит меня на руках. Я с трудом подавляю дрожь. Я по-прежнему чувствую покой в объятиях Десмонда, мне снова шестнадцать, и я ненавижу за это нас обоих.

Я так и не освободилась от него. Когда солнце бьет в глаза, я вижу на тротуаре *его* тень. Когда наступает ночь, меня окутывает тьма, которую *он* породил. Когда я засыпаю, во сне мне снова и снова является *его* лицо.

Он повсюду, он всегда со мной, и я знаю, что все мужчины мира не смогут заставить меня забыть его.

Дес смотрит на меня сверху вниз, и взгляд его серебристых глаз слегка смягчается. Может быть, он тоже вспомнил прежние времена, вспомнил ночи, проведенные рядом со мной, когда он нежно обнимал меня...

– Да, – это все, что я слышу.

Я неловко надеваю один носок и роняю второй; он падает на пол, и я вполголоса чертыхаюсь.

В следующую секунду носок взлетает с пола и падает мне на живот.

– А обувь можешь подать? – непринужденно прошу я.

Торговец находит взглядом мои ботинки – они стоят у раздвижной стеклянной двери, которая ведет во двор. Словно зачарованная, я смотрю, как ботинки взлетают и плывут ко мне по воздуху. Я ловлю их.

– Спасибо, – я искренне улыбаюсь. Сотни раз я видела, как Торговец проделывает свои фокусы, и все равно изумляюсь, словно ребенок.

Мне кажется, что рука, обнимающая меня, дрожит. Торговец некоторое время смотрит на меня, слегка нахмурившись, потом поднимает голову и идет к выходу.

Сам собой щелкает замок, стекло отъезжает в сторону. Торговец переступает через порог, и прохладный ночной ветерок обдувает лицо.

– Правда или действие? – спрашивает он в тот момент, когда я заканчиваю зашнуровать второй ботинок.

Ноги и руки наливаются свинцом. Калли, не забывай: платить по счетам придется, несмотря ни на что.

Еще утром, еще совсем недавно, когда он меня разбудил, я была к этому готова, смирилась с этой мыслью, но сейчас страх перед неизвестностью снова одолевает меня. Торговец так и не ответил, почему после стольких лет выбрал именно этот день, чтобы вернуться в мою жизнь. И почему он так неожиданно бросил меня, если уж на то пошло. Но я прекрасно знаю, что требовать объяснений бессмысленно. Выудить из Десмонда Флинна даже самый крошечный, незначительный секрет гораздо труднее, чем искупать кошку.

– Правда.

– Ты сказала «действие»? – переспрашивает он, приподнимая брови и насмешливо глядя на меня. Сегодня волосы его не собраны в хвост, и белые вьющиеся пряди обрамляют узкое лицо. – Вы, сирены, действительно знаете, как добавить пикантности в отношения.

Я не даю себе труда ответить. Торговец – существо бесчестное до мозга костей, и его слова нисколько не удивляют меня.

Однако меня удивляет то, что он делает дальше, и еще как удивляет!

Я вижу какие-то волны в воздухе у него за спиной, потом эти волны сливаются и образуют два сложенных крыла. Крылья растут из спины Торговца.

Дыхание перехватывает от изумления.

Гнев, боль, обида – все отходит на второй план, когда я вижу эти крылья.

Темная кожа, отливающая серебром, натянута между костями; она такая тонкая, что я вижу сеть кровеносных сосудов. По краям крылья обрамлены белыми блестящими когтями, самый длинный из них – размером с мою ладонь.

Я видела крылья Десмонда только раз в жизни, и то лишь потому, что он на какое-то время утратил контроль над собой. Но сейчас это не случайность; он сделал это намеренно. Я даже представить себе не могу, почему именно теперь он решил показать крылья, причем не кому-нибудь, а мне – мне, из всех людей на планете!

Я протягиваю руку ему за спину и осторожно провожу кончиками пальцев по гладкой коже крыла. Он сжимает меня крепче, я чувствую, что он затаил дыхание.

– Они прекрасны, – шепотом говорю я. Я хотела сказать ему это много лет назад, но у меня не было такой возможности.

Взгляд Торговца скользит по моим волосам, щекам и, наконец, останавливается на губах.

– Рад, что они тебе понравились. Сегодня тебе предстоит любоваться ими довольно долго.

Глава 5

Октябрь, восемь лет назад

Я нервно тереблю браслет, играю единственной бусиной, которая болтается на прочной нити – эта бусина означает долг за услугу, оказанную мне Торговцем. Он все-таки сделал так, чтобы власти оставили меня в покое.

Он возникает передо мной – здесь, в моем общежитии в Академии, это происходит уже во второй раз. Он с ног до головы одет в черное; винтажная футболка с принтом AC/DC облегает его мускулистые руки и широкую спину.

Увидев, кто его вызвал, Торговец складывает руки на груди и недовольно морщится.

– Насколько мне известно, моя магия действует, и у тебя не возникло проблем с полицией, – говорит он. – Не понимаю, что тебе еще от меня нужно.

Я снова тереблю браслет; сердце при виде этого парня бьется, словно пойманная птица.

– Я хочу заключить с тобой сделку.

Он не сводит с меня тяжелого, пристального взгляда.

Я жду хоть какого-то ответа, но Торговец молчит.

Надо взять себя в руки.

– Я... э-э...

Он вопросительно приподнимает бровь.

Решайся, Калли!

– ...я хочу купить тебя на одну ночь.

О боже. Боже милостивый.

Пропади пропадом мой язык. Гореть ему в геенне огненной до конца времен.

Лицо Торговца становится бесстрастным.

– Прошу прощения, ты хочешь... *что сделать?*

Я чувствую, как краснеют лицо и шея. Сейчас я умру от стыда. Нет, не так – я *хотела бы* сейчас умереть от стыда. Это лучше, чем краснеть вот так, открывая и закрывая рот, словно рыба, выброшенная на берег.

Торговец усмехается, и все становится еще хуже.

Зря ты это сказала, ох, зря.

– Я просто хочу побыть с тобой, поболтать и все такое, – поспешно добавляю я. – Это будет исключительно платоническое времяпрепровождение.

Ну вот, теперь ты лепечешь, словно жалкое, отчаявшееся ничтожество. Но кого я пытаюсь обмануть? Я действительно отчаялась, отчаялась найти близкое существо – того, кто избавил бы меня от одиночества. После поступления в Академию я думала, что стану здесь своей и заведу друзей, но это оказалось не так-то просто. Вокруг чужие, равнодушные люди. Мне так тоскливо...

– Очень жаль, ангел, – говорит Торговец, осматривая мою комнатку. – Мне бы больше понравилось, если бы твое предложение не было столь платоническим.

Я знаю, что щеки побагровели, но не могу оторвать взгляда от плеч и груди Торговца, словно высеченных рукой скульптора.

Наши взгляды встречаются; его ухмылка становится шире, а в глазах загораются коварные огоньки.

Он прекрасно знает, о чем я сейчас думаю.

– Это всего лишь один вечер, – оправдываюсь я.

Торговец с небрежным видом подходит к моему туалетному столику, берет флакон парфюмерной воды, снимает крышку и нюхает. Морщится, быстро закрывает и ставит на место.

– У меня много дел, – отвечает он. Но не исчезает.

Мне кажется, он не против, чтобы я уговорила его остаться.

Но как его уговорить? В последний раз, когда я пыталась очаровать Торговца, это лишь разозлило его. Мне кажется, что логикой его не убедишь, а кроме того, никакой логики в моем предложении нет. Напротив – мое желание провести с ним вечер граничит с безумием.

Что я сделала тогда, в ту кровавую ночь, когда уговорила его прийти мне на помощь?

Я вспоминаю и чувствую прилив энтузиазма.

– Торговец, – начинаю я и делаю шаг к нему. Он стоит у стены и разглядывает постер с надписью «Сохраняй спокойствие и продолжай читать». Подойдя практически вплотную, я протягиваю руку, дотрагиваюсь до его плеча, и у меня что-то сжимается внутри от этого прикосновения. – Пожалуйста.

Клянусь, он вздрогнул всем телом, услышав эти слова. Он смотрит на мою руку, которая лежит на его обнаженном предплечье, покрытом татуировками.

В ту ночь, в ночь убийства, Торговца убедили не столько мои слова, сколько прикосновение.

Встречая взгляд серебристых глаз, я на мгновение улавливаю в них какое-то коварное, хитрое выражение.

– Ты искушаешь судьбу, маленькая сирена.

Он проводит кончиками пальцев по моей руке.

– Одна ночь, – говорит он.

Я киваю.

– Только одна ночь.

Наши дни

Подойдя к обрыву на границе моего участка, Торговец останавливается, но меня не отпускает. Далеко внизу, у подножия сорокафутового утеса, темнеет океан.

Он расправляет крылья, и при виде их у меня снова вырывается восхищенный возглас. Размах его крыльев кажется мне невероятным – почти двадцать футов – и, если не считать серебристого цвета, они очень напоминают крылья гигантской летучей мыши.

Наши взгляды встречаются, и я вдруг понимаю, что он собирается сделать.

– Дес, нет...

И снова эта его коварная усмешка.

– Держись крепче, Калли.

Я закусываю зубами нижнюю губу, чтобы сдержать вопль, когда он прыгает с утеса. Секунду мы парим в свободном падении, и мне кажется, что содержимое моего желудка подступает к горлу. Торговец ловит ветер, и восходящий поток воздуха уносит нас к небу.

Я крепче обнимаю его за шею и прячу лицо у него на груди. Лишь две пары рук, мои и Торговца, удерживают меня от падения в бездну.

Влажные волосы хлещут меня по лицу; на такой высоте они стали холодными, как сосульки.

– Пропустишь замечательный вид, херувимчик, – кричит он мне в ухо, стараясь перекричать вой ветра.

– Меня сейчас стошнит, – со стоном отвечаю я. Не уверена, что Торговец слышит меня.

Не то чтобы я боялась высоты – в конце концов, мой дом стоит на скале, – но полет над океаном на руках у крылатого создания из царства фей не принадлежит к числу моих любимых аттракционов.

В конце концов, я все-таки отрываюсь от шеи Деса и осмеливаюсь бросить взгляд вниз. Под нами в лунном свете поблескивают волны, а далеко впереди сияют бесчисленные огни Лос-Анджелеса, напоминающего гигантский праздничный торт.

Чем выше мы поднимаемся, тем сильнее я мерзну. Дрожа, прижимаюсь к Десу; он крепче обнимает меня, стараясь согреть.

Как я и боялась, этот момент близости напоминает мне о других минутах и часах, проведенных с ним рядом.

– Куда мы летим? – кричу я, напрягая связки.

– ...где тебе предстоит выполнить второе задание. – Завывающий ветер уносит начало фразы Торговца, но самые важные слова я слышу. И немного сожалею об этом – лучше бы мне не знать.

Представить не могу, что он придумал для меня, и, размышляя о собственном прошлом и обо всем, чего я просила у него, я прихожу к выводу, что это не к добру.

Ничего хорошего меня не ждет.

– Да ты издеваешься. – Скрестив руки на груди, я обвожу воинственным взглядом парковку, на которой мы приземлились, и здание в дальнем конце. – И ради этого ты вышиб дверь моей ванной? – возмущаюсь я, разглядывая диваны и столы в витринах. – *Мебельный магазин?*

Уголок рта Десмонда слегка подергивается.

– Я планирую несколько изменить дизайн своей гостевой спальни – точнее, этим займешься *ты*.

Я вдруг понимаю, что совершенно нелепо вытаращила глаза. Выбирать мебель для спальни – вот как я должна с ним расплачиваться!

– Магазин закрывается через пятнадцать минут, – напоминает Торговец. – От тебя требуется успеть выбрать и оплатить подходящую мебель.

Как только он произносит последнее слово, я чувствую, как меня накрывает тяжелым, будто свинцовым, покровом его магии; невидимая могучая рука толкает меня вперед.

Я иду в сторону магазина, про себя кляня Торговца самыми непристойными словами. Представить себе не могу более дурацкого и бессмысленного задания. Подбирать мебель – для этого существует Интернет!

С другой стороны, жаловаться не стоит – все могло быть гораздо хуже.

Все *должно* быть гораздо хуже. Я в свое время видела немало сделок Деса, и прекрасно знаю, какой бывает расплата. Должникам никогда не удавалось легко отделаться.

Торговец догоняет меня, и его крылья, вспыхнув на мгновение, исчезают. Я собираю в кулак остатки воли, чтобы не смотреть на него. Торговец – всего лишь мираж, блуждающий огонек, и в те моменты, когда мне кажется, что мы близки, он, на самом деле, находится бесконечно далеко.

Я со злостью дергаю на себя дверь и переступаю порог магазина. Гигантский зал битком набит всевозможной мебелью. Пятнадцати минут не хватит даже на то, чтобы мельком осмотреть половину того, что здесь есть.

Магия Десмонда обвивает тело, как змея; это странное, непривычное и неприятное ощущение.

– Что именно нужно купить? – спрашиваю я, когда заклинание Деса увлекает меня вперед.

Торговец, засунув руки в карманы, подходит к одному из столов и разглядывает расставленные приборы. Среди шикарной мебели он выглядит совершенно нелепо и неуместно в своей выцветшей футболке.

– А это, херувимчик, решать тебе.

К черту, у меня нет времени угадывать его вкусы. Как только эта мысль возникает у меня в мозгу, я чувствую, как непреодолимая сила увлекает меня куда-то в сторону, и у меня внутри все переворачивается.

Дес насмешливо ухмыляется, глядя на меня – оказывается, он уже успел устроиться на широком диване. Я говорю себе, что следует отнестись к своему заданию более серьезно и отвлечься от *него*. Сегодняшнее «действие» отличается от вчерашнего поцелуя. Тогда я не ощущала никакой магии. Но, возможно, это ощущение появляется только тогда, когда я сопротивляюсь. Эта мысль вызывает у меня отвращение к себе. Вчера вечером мне следовало бы воспротивиться желанию Торговца поцеловать меня.

Я подхожу к самым безвкусным и нелепым товарам, которые попадают мне на глаза. В знак протеста. Сейчас я покажу «боссу», что бывает, когда не даешь четких указаний.

Я быстро оглядываюсь на Торговца: он сосредоточенно наблюдает за мной.

И я понимаю, что на уме у него нечто нехорошее.

Не думай об этом.

Стремительно хватаю ценники с мебели, наугад подобранной для Деса, и едва ли не бегом тороплюсь к кассе. Я все еще в плену у магии, чувствую ее хватку, кровь шумит в ушах, и сердце готово разорваться.

Я прекрасно понимаю, что все это время Торговец не сводит с меня глаз. И еще я знаю, что происходящее его развлекает. Вот дерьмо.

Его странная магия лишает меня воли. Я чувствую, как она просачивается мне под кожу. Но, несмотря на то, что некая крошечная, извращенная частичка моей души наслаждается этим ощущением чужой магии на мне и во мне, другая, основная, более рациональная часть находит происходящее чертовски нелепым и просто отвратительным.

Когда я кладу ценники у кассы, на лице кассирши появляется тревожное выражение.

– Мэм, снимать ценники с мебели запрещено.

Моя кожа начинает слегка светиться.

– Все в порядке, все нормально, волноваться не о чем, – нараспев произношу я. Чары сирены мгновенно действуют на продавщицу, она послушно кивает и начинает сканировать штрих-коды. За спиной раздается хохот Торговца.

– Гм. – Женщина за кассой пристально смотрит на монитор компьютера и хмурится. – Как странно.

– В чем дело? – спрашиваю я, и меня охватывает легкое беспокойство. Возможно, все пройдет отнюдь не так гладко, как я себе вообразила.

– Я была абсолютно уверена, что в четверг мы получили новую партию, но компьютер утверждает, что все распродано. – Она говорит о кресле ядовито-розового цвета с леопардовым принтом.

Кассирша откладывает ценник в сторону.

– Давайте я пробью остальные ваши покупки, а потом мы попробуем выяснить на складе.

– Оставьте, не нужно.

Магия крепко держит меня за горло, и у меня появляется чувство, будто кто-то дышит мне в затылок. Я очень сомневаюсь, что у меня будет время ждать, пока кресло ищут на складе.

Кассирша бросает на меня странный взгляд, потом смотрит на стенные часы. Наверняка она размышляет о том, что до конца смены осталось буквально несколько минут.

– Вы уверены?..

– Да-да, – поспешно отвечаю я. Я нахватала целую пачку ценников, и мебели более чем достаточно для того, чтобы обставить пару спален.

Кассирша сканирует следующий штрих-код – ценник на диван, обитый тканью с рисунком в виде дурацких розочек и завитушек – и та же самая проблема возникает снова.

Прищурившись, я оглядываюсь на Торговца. Он многозначительно постукивает указательным пальцем по циферблату своих часов. Внутри все буквально переворачивается, и я, окончательно утратив контроль над собой, сгибаюсь пополам. Это уже не просто неприятное ощущение – я чувствую боль и тошноту.

Поднимаю трясущуюся руку, показываю своему мучителю средний палец и оборачиваюсь к кассирше.

Она продолжает сканировать ценники, и всякий раз сталкивается с той же самой проблемой. Теперь я прекрасно понимаю, что эта проблема называется «Десмонд Флинн».

Под действием магии пульс учащается, и с каждой секундой я чувствую себя хуже и хуже. Мне уже ясно, что, помимо приближающегося закрытия магазина, Торговец установил свой собственный лимит времени.

Какое идиотское задание!

Я склоняюсь над прилавком и пытаюсь сглотнуть ком в горле.

– А что у вас сейчас *можно* купить?

Женщина пробегает пальцами по клавиатуре. Снова хмурится.

– Судя по тому, что мне показывает система, в данный момент у нас в продаже имеется только кровать с четырьмя столбиками, кованый железный канделябр, диван для двоих и зеркало в позолоченной раме. – На ее лице появляются смущение и растерянность.

– Возьму эти четыре предмета, по одной штуке, – говорю я, подавая ей свою кредитную карту. У меня снова начинают дрожать руки, и я чувствую, что на лбу выступают капельки пота.

Но я решительно настроена бороться до конца. Я не собираюсь расставаться с жизнью из-за какой-то дурацкой мебели.

Кассирша с несколько испуганным видом берет карту.

– Но, мэмм...

– *Пожалуйста*, поторопитесь. – Это звучит жалко, умоляюще. У меня перехватывает дыхание, и я снова слышу за спиной издевательский смех Торговца.

Кассирша смотрит на меня, как на сумасшедшую, потом наклоняет голову набок.

– Послушайте, я ведь вас где-то видела... ах да, в кино, вы играли в том фильме...

– *Ради всего святого, умоляю*, заканчивайте с этим! – кричу я. Боль становится совершенно невыносимой; я чувствую, что если не покончу с покупками через минуту, то потеряю сознание.

Кассирша вздрагивает, словно я ударила ее по лицу. Если бы не мои физические страдания, я бы расстроилась из-за того, что оскорбила ее. Но сейчас я могу думать лишь о собственных мучениях. Женщина недовольно фыркает и укоризненно качает головой, но делает свою работу. Проходит еще одна мучительная минута, пока она ворчит что-то по поводу доставки, но затем все же проводит картой по считывающему устройству.

Магические щупальца отпускают меня, и я сползаю на пол около прилавка. Опустив взгляд на запястье, я вижу, как две бусины исчезают.

Я его сейчас убью.

– Возникли проблемы? – невинным тоном спрашивает Торговец, поднимаясь с дивана.

Даже не взглянув на него, я широким шагом иду к выходу.

Когда я выхожу на темную парковку, он вдруг материализуется прямо передо мной со скрещенными на груди руками. И естественно, никто в магазине не замечает, что он способен загадочным образом появляться и исчезать.

Я хочу обойти его, но он резко выбрасывает руку и ловит меня за запястье.

Я в ярости оборачиваюсь.

– *Две?* – Из горла у меня вырывается дикий вопль. – Ты заставил меня подобрать мебель для твоей чертовой спальни за пятнадцать минут, я чуть не отправилась к праотцам, и в результате исчезло всего *две* бусины?

Нет, нельзя мне так злиться. В конце концов, Торговец пока не потребовал от меня ничего ужасного, но воспоминание об испытанном ужасе, о магических пальцах, стискивавших мое сердце, желудок и все внутри, до сих пор вызывает дрожь.

Торговец подходит почти вплотную.

– Тебе не слишком понравилось это задание? – негромко спрашивает он. Его глаза поблескивают в лунном свете.

Кое-какие остатки разума у меня все-таки сохранились, и я молчу. Сейчас он выглядит особенно зловеще, и я знаю, что когда у него такое лицо, его лучше не провоцировать.

Он приближается еще на шаг.

– У меня было запланировано для тебя еще несколько похожих заданий, но если это действительно вызвало у тебя такое отвращение, может, нам переместиться куда-нибудь в более... уютное место.

Услышав эти слова, я моментально понимаю, какую серьезную ошибку только что совершила. Я сыграла ему на руку.

Торговец обнимает меня, и его взгляд останавливается на моих губах.

Эли был прав.

У этого ублюдка для меня припасено кое-что другое.

Но в тот миг, когда я уже думаю, что сейчас он меня поцелует, разворачиваются волшебные серебристые крылья. Еще мгновение – и парковка с магазином остаются далеко внизу, и мы летим навстречу тьме.

Через двадцать минут Торговец легко приземляется на заднем дворе моего дома, держа меня на руках. Его гигантские серебристые крылья складываются, когда мы касаемся травы, вспыхивают на секунду и исчезают.

Торговец молча несет меня к стеклянной двери спальни. Дверь сама собой скользит в сторону, и он переступает порог.

Дверь за нами закрывается, Торговец опускает меня на кровать и садится рядом на пол. Не отрывая взгляда от моего лица, он отодвигается к изножью кровати.

Я начинаю нервничать. Чего же еще сегодня он потребует от меня? Он никогда не видел меня без одежды. Кроме того, я знаю, что Торговец не заставит меня расплачиваться за свои долги в постели, если я сама не захочу этого.

А я не хочу, верно?

Дес снимает с меня один ботинок, затем другой. Бросает их в сторону и так же, по одному, снимает носки.

– Скажи мне, Калли, – спрашивает он, скользя взглядом по моему телу, – ты нервничаешь?

Он не требует расплаты прямо сейчас, и я вовсе не обязана ему отвечать. Но я неохотно киваю, сама не понимая, что делаю.

– Значит, ты не совсем забыла меня, – говорит Торговец. – Это хорошо.

Он берет мою ногу в ладони и нежно целует щиколотку.

– Правда или действие?

Я не сразу нахожу в себе силы ответить.

– Правда.

Его пальцы сильнее сжимают мою лодыжку.

– Как ты думаешь, почему я оставил тебя семь лет назад? – спрашивает он.

Да, он не теряет времени даром и сразу переходит к делу. Сердце трепещет где-то в горле, и мне приходится собрать в кулак остатки воли, чтобы скрыть чувства.

Я судорожно, хрипло вздыхаю. Нет, прошлое больше не может причинить мне боли. Ничто из прошлого, никто. Оно существует лишь в моей памяти.

– Дес, какое это имеет значение?

Я чувствую мимолетное жжение в горле, хотя это ощущение не настолько болезненное, как тогда, в магазине. Это просто напоминание о том, что я должна ответить на вопрос.

Торговец ждет, ему не нужно меня торопить: за него это делает магия.

Я судорожно шарю руками по одеялу, цепляюсь ногтем за какую-то нитку.

– Я вынудила тебя. – Поднимаю на него взгляд. – Я зашла слишком далеко, и тебе пришлось уйти. – Когда последнее слово срывается с языка, магическая удавка отпускает мое горло, и я снова могу свободно дышать.

Возможно, прошлое и не причиняет мне боли, но оно по-прежнему представляется мне живым существом, чем-то реальным, осязаемым. Как все-таки это странно и непонятно, размышляю я. Почему кто-то или что-то, вошедшее в мою жизнь почти десять лет назад и затем исчезнувшее, по-прежнему имеет надо мной власть?

Торговец пылливо смотрит на меня, и его серебристые глаза мерцают в полумраке. Я не могу разгадать выражения его лица, но сердце сжимается от недоброго предчувствия.

Он снова кивает и поднимается на ноги. Только когда он протягивает руку, чтобы открыть стеклянную дверь, я вдруг понимаю, что он сейчас исчезнет, покинет меня.

При этой мысли все тело пронзает острая боль. Нет, я уже по горло сыта глупыми выходами собственного сердца. Если бы я могла, я бы разорвала его в клочья просто за то, что оно смягчилось по отношению к Торговцу тогда, когда разум мой желает навсегда забыть о наших прежних отношениях.

– Вот как, Дес? – окликаю я. – Снова спасаешься бегством?

Он оборачивается, положив ладонь на стекло, и его глаза вспыхивают.

– Ты права, хотя сама не представляешь, до какой степени, херувимчик. Ты действительно вынудила меня оставить тебя. Семь лет – долгий срок для того, кто ждет, особенно для таких, как я. Но знай: больше я от тебя не уйду.

Глава 6

Ноябрь, восемь лет назад

Одно желание превращается в два, два – в четыре, четыре – в восемь... и в один прекрасный день я обнаруживаю, что на запястье красуется браслет из ониксовых бусин.

Я собиралась провести с Торговцем всего один вечер, но постепенно это желание превратилось в зависимость. Я снова и снова хватаюсь за черную визитную карточку. Еще вечер, третий, четвертый, и я уже не могу без него. Я ничего не знаю о жизни и прошлом Торговца. У него нет причин делать мне одолжения.

Но он приходит.

Я смотрю на бусины и вспоминаю наш разговор во время второй встречи.

«Ты отдашь мне то, чего я потребую – что угодно. Скажи мне, херувимчик, ты готова выполнить *любое* мое желание?... Ты готова отдать мне свое тело?» Наверное, мне следует опасаться такой расплаты. Но, напротив, когда я вспоминаю об этом, меня всякий раз охватывают беспокойство, нетерпение, волнующее предчувствие.

Наверное, у меня с головой что-то не в порядке.

– О чем ты думаешь, херувимчик? – спрашивает он.

Сегодня вечером Торговец удобно расположился на моей кровати, которая ему, кстати, мала – ноги свешиваются. Я смотрю на него, и мысли принимают совершенно определенное направление...

Я чувствую, что краснею.

– Точно, это нечто неприличное. – Торговец поправляет подушку, закидывает руки за голову.

Я думаю, что сейчас он начнет дразнить меня, но вместо этого он разглядывает мою комнату. Я слежу за его взглядом и вижу, словно со стороны, свой туалетный столик, подставку для дешевой бижутерии и маленькую косметичку. Вижу постеры на стенах – один с портретом «Битлз», второй с фотографией Эйфелевой башни, и еще тот нелепый постер с надписью «Сохраняй спокойствие и продолжай читать». Письменный стол завален учебниками, рядом – кружка и жестянка с чайными пакетиками.

По полу разбросаны потрепанные книги, одежда, обувь.

Я чувствую себя обычной школьницей. Совсем юной и неопытной. Я понятия не имею, скольких женщин навел за свою жизнь Торговец, но могу побиться об заклад: их спальни выглядели гораздо уютнее этой жалкой клетушки с дешевым чайником и постерами, приколотыми кнопками к стенам.

– Соседки нет? – спрашивает он, рассматривая складной стул, который я поставила на место второй кровати.

– Больше нет.

Она переехала в комнату к своей подруге, которую поселили одну, и которой нужна была компания. Узнав об этом, я испытала одновременно разочарование и облегчение. Мне не очень хотелось оставаться одной, но, с другой стороны, мы не подходили друг другу. Она была веселой и болтливой, а я... меня терзали глубоко запрятанные тяжелые воспоминания.

Торговец бросает на меня сочувственный взгляд.

– Никак не получается завести друзей, херувимчик? – спрашивает он.

Я недовольно морщу нос.

– Перестань меня так называть, – прошу я, усаживаюсь в компьютерное кресло и закидываю ноги на стол.

«Херувимчик». Вызывает ассоциации с пухлыми маленькими ангелами. Это прозвище снова заставляет меня чувствовать себя девчонкой.

Торговец в ответ лишь расслабленно улыбается.

– А кстати, у тебя есть имя? – вспоминаю я.

– Не хочешь говорить о друзьях? – с иронией спрашивает он.

– Это называется «уходить от ответа», – сквозь зубы бросаю я, откидываясь на спинку кресла, – и ты этим тоже не брезгуешь.

Торговец по-прежнему улыбается, но избегает смотреть в глаза. Сомневаюсь, что он когда-нибудь признается в этом, но мне начинает казаться, что ему нравится общение со мной. Лично я могу себе признаться в том, что мне нравится его общество. Оно помогает мне держать на расстоянии своих демонов.

– Ты действительно считаешь, что я всем подряд называю свое имя, херувимчик? – С этими словами Торговец берет с тумбочки у кровати какую-то бумажку.

– *Прекрати. Меня. Так. Называть.*

– А кто такой Джордж? – спрашивает он, читая надпись.

И мне хочется провалиться сквозь землю. Я бросаюсь к нему, выхватываю у него несчастную записку, комкаю ее в пальцах и швыряю в мусорную корзину.

– Ничего себе! Значит, *Джордж*. – Его тон заставляет меня покраснеть еще сильнее. – Выходит, это он фигурировал в твоих непристойных мыслях?

Если бы!

– А тебе какое до этого дело? – спрашиваю я.

– Если парень дает тебе свой номер телефона, это значит, что ты ему нравишься. А ты хранишь эту записку. На своем ночном столике. – Торговец произносит это таким тоном, словно выражение «ночной столик» само по себе является решающим доводом.

И что мне ему ответить? Что единственный мужчина, который меня интересует – это сам Торговец?

Нет, спасибо.

– Вряд ли мы с ним будем встречаться, – невнятно ворчу я. – Его сестра дружит с девчонкой, которая меня терпеть не может.

В дальнейших объяснениях нет необходимости. Торговец насмешливо приподнимает брови.

– Ах, вот как.

Я чувствую на себе его пристальный взгляд, чувствую, что не могу больше скрывать своих мыслей.

Что он видит? Смущение? Раздражение? Растерянность?

Он убирает ноги с кровати, и это неожиданное движение заставляет меня вздрогнуть. Протягивает руку, заставляя меня подняться с кресла.

– Бери куртку.

– Зачем?

– Мы идем прогуляться.

Наши дни

Утром, перед тем, как идти на работу, я заглядываю в ванную, чтобы осмотреть выломанную вчера дверь.

Дверь в полном порядке. Торговец починил ее, ничего не требуя взамен. Я чувствую, как при этой мысли сердце уже в который раз сбивается с ритма. Торговец – жулик, ловкач, хитрец; он ничего не делает бесплатно. Так почему он починил эту несчастную дверь?

Вспоминаю его прощальные слова. Крепко зажмуриваюсь. Какая-то фраза не дает мне покоя. «Семь лет – долгий срок для того, кто ждет, особенно для таких, как я».

Торговец никогда никого не ждет, тем более помешанную клиентку, которая когда-то была готова с лихвой расплатиться за все оказанные ей услуги. Но он сказал это совершенно серьезно, и мне кажется, что именно так и было – он ждал. Это полная бессмыслица.

Я перебираю бусины на браслете, считаю их, потом пересчитываю.

Осталось триста шестнадцать долгов. Выходит, Торговец забрал несколько штук уже *после* того, как я купила ему эту несчастную мебель. Несколько бусин в обмен на мой секрет.

Я в досаде потираю лоб.

В этот момент Торговец ненавистен мне больше, чем когда-либо. Я ненавижу его за то, что он возник в моей жизни именно тогда, когда мне уже казалось, что все налаживается. Ненавижу за то, что вынуждена была порвать с Эли по телефону, не зная, как и чем мне придется расплачиваться. Но прежде всего, я ненавижу его за то, что проще ненавидеть его, чем саму себя.

Я появляюсь в офисе «Детективного агентства Западного Побережья» с опозданием на двадцать минут, держа в руках розовую картонную коробку.

Мы с Темпер занимаемся этим бизнесом в течение последних шести лет. Да, время от времени нам приходится преступать закон. «Детективное агентство Западного Побережья» может выполнить практически любое задание: найти пропавшего без вести, выудить у нужного человека признание, раздобыть доказательства преступления.

– Эй, привет, – кричу я, войдя в приемную. – Я принесла нам завтрак. – Стук клавиатуры в кабинете Темпер смолкает.

– Пончики? – с надеждой спрашивает она.

– Еще чего! Фрукты. Я подумала, что сегодня подходящий день для того, чтобы начать работать над нашими пляжными фигурами, – отвечаю я, ставлю коробку с пончиками на стол, и вокруг поднимается небольшое облачко пыли.

Надо в ближайшее время сделать уборку.

– Пляжные фигуры! Как бы не так! – Раздается топот, и на пороге возникает Темпер, бросающая на меня такой взгляд, словно я произнесла богохульство. – Думаешь, мне хочется выглядеть как костлявая белая...

Ее взгляд останавливается на коробке с пончиками.

– Я купила классические черничные и еще с начинкой из желе, – говорю я, протягивая ей стаканчик с кофе. – Если черника – не фрукт, то хотя бы ягода, правда?

Темпер фыркает.

– Подруга, мне нравится ход твоих мыслей.

– Взаимно, дорогуша. – Я иду в свой кабинет.

В этот офис мы переехали пять лет назад. В разгар выпускного вечера мы собрали вещи, практически тайком сбежали из Академии Пил, нашего пансиона, и отправились на поиски лучшей жизни. Наш офис по-прежнему вызывает у меня те же чувства – смесь возбуждения, надежды и отчаяния, которые мы испытывали, спасаясь бегством – я от своего прошлого, а Темпер от своей судьбы. Тогда мы были полны энергии и стремления начать все сначала, создать свою судьбу собственными руками.

Я улыбаюсь, заметив на рабочем столе чек за последний выполненный заказ. Бросаю вещи, усаживаюсь в кресло, беру чек и прячу его в сумку. Надеюсь, что Микки, дурной сын, отныне станет относиться к своей матери по-человечески. Люди, у которых есть мать – просто везунчики, считаю я.

Закинув ноги на стол, включаю компьютер. Пока он загружается, я прослушиваю голосовые сообщения на рабочем телефоне. Одно – от бывшего «объекта», сталкера по имени Шон, который преследовал одну из моих клиенток. Тогда Темпер пришлось подключиться к этому

делу, и мы вдвоем, судя по цветистым выражениям недоумка, *произвели на него неизгладимое впечатление*. Я удаляю сообщение и перехожу к следующим.

Три сообщения – от потенциальных клиентов. Я поддвигаю к себе желтый блокнот, беру ручку и записываю имена и контактную информацию.

И вот, наконец, последнее сообщение.

Я замираю, слыша хриплый, глубокий голос.

«Детка, я не хочу расставаться с тобой. Это не повод. Когда я вернусь, мы снова все обсудим».

Выпрямляю спину.

Нет, нет, нет!

«А пока, – продолжает он, – я подключил кое-какие связи, и теперь Торговец в топе разыскиваемых личностей». То есть в первой десятке.

Вот дерьмо.

Именно этого я и боялась. Что Эли решит разобраться с моими проблемами за меня.

Компьютер загружается, я открываю сайт политики и открываю список разыскиваемых преступников.

В нем около сотни фигурантов, но тех, кто в первой десятке, я вижу сразу: их фото и имена – на самом верху страницы.

Под номером три – надпись: «Торговец (настоящее имя неизвестно)».

– Вот засранец, – бормочу я и со злостью пинаю шкафчик с документами, стоящий рядом с письменным столом.

Понятия не имею, почему я так рассвирепела. Торговец в состоянии сам о себе позаботиться, а я могу позаботиться о себе. Точнее, *могла*, пока не завела в качестве бойфренда проклятого альфа-самца из стаи оборотней, мать его.

Я смотрю на схематичный набросок лица Деса. У политики даже нет его фотографии, а этот портрет... этот разыскиваемый может быть кем угодно. Лишь две детали верны – серебристые глаза и белые волосы. И, откровенно говоря, этого достаточно.

Я перехожу по ссылке, размышляя о том, скольких женщин-полицейских вынужден был подмазать Эли для того, чтобы Торговец попал в первую десятку. Дес всегда был в полицейском списке, но я не помню, чтобы его поимке когда-нибудь придавали глобальное значение.

Открывается страница с подробным словесным описанием внешности Деса и его данными. В отличие от портрета, описание довольно точное, вплоть до татуировок на руке. Однако нет ни слова ни о заостренных ушах, ни о крыльях.

Они не знают, что он – эльф.

Тем не менее, того, что они *знают*, для поимки вполне достаточно.

Я выдвигаю нижний ящик письменного стола и извлекаю бутылку «Джонни Уокера».

Сегодня подходящий день.

Через пять минут появляется Темпер. Увидев меня с выпивкой, она тянется к бутылке. Я неохотно подталкиваю ее к ней по столу.

– Что происходит, подруга? – спрашивает она, делая глоток. Она знает: если на сцене появился «Джонни», значит, что-то пошло не так.

Я втягиваю воздух сквозь зубы и отрицательно качаю головой.

Она глотает виски, морщится и ждет ответа.

Смотрю на свой браслет.

– Прошное все-таки добралось до меня.

Темпер поддвигает бутылку ко мне.

– Нужно кому-нибудь надавать по шее? – совершенно серьезно спрашивает она.

Мы с ней близкие подруги, насколько это возможно для меня, и дружим со старших классов школы. Наша дружба основана на негласном правиле: ничто не может принудить ее

выбрать будущее, которого она не желает, и ничто не может принудить меня вернуться к прошлому, которое я так старалась забыть.

Ничто.

Мне ничего не остается, как расхохотаться.

– Эли тебя опередил.

– Эли? – повторяет она, приподняв бровь. – Дорогая, я оскорблена в лучших чувствах!

У нас *сначала шлюхи – потом братухи*, забыла?

– Я его не просила вмешиваться. Я вообще с ним рассталась, но он влез...

– *Что???* – Подруга хватается за край стола обеими руками. – Ты с ним рассталась? И когда ты собиралась мне об этом сказать?

– Сегодня. Я собиралась сказать тебе об этом сегодня.

Она укоризненно качает головой.

– Ну ты и сучка! Ты должна была мне позвонить.

– Представь себе, я была занята – разбиралась со своим бойфрендом.

Темпер откидывается на спинку кресла.

– Вот дерьмо, подруга! Теперь Эли не будет делать нам скидок.

– Значит, *это* тебя больше всего злит? – спрашиваю я и отпиваю еще глоток виски.

– Нет, – отвечает она. – Я довольна тем, что ты, наконец-то, поступила как настоящая баба с яйцами и порвала с ним. Он заслуживает лучшего.

– Сейчас ты получишь этой бутылкой по башке.

Темпер поднимает руки вверх.

– Да я же *пошутила*. Seriously, ты в порядке?

Я бросаю взгляд на монитор, но в последний момент сдерживаюсь и не смотрю на строки с описанием внешности Деса. Испускаю тяжкий вздох.

– Seriously? Понятия, мать твою, не имею.

Я как следует отпиваю вина из бокала, когда задняя дверь моего дома отъезжает в сторону, и входит Торговец.

– По-прежнему ищешь утешения на дне бутылки, херувимчик?

При виде Десмонда в облегающей черной рубашке и выцветших джинсах меня охватывает знакомое волнение. Я ставлю бокал на стол и закрываю книгу, которую читала.

– Опять ты за свое? – говорю я, приподнимая бровь. – Откуда тебе знать, как я справляюсь с проблемами?

– Слухами земля полнится, – бесстрастно отвечает он.

Я смотрю на Торговца, прищурившись.

– Ты что, следил за...

Я замолкаю – Торговец в несколько шагов преодолевает разделяющее нас пространство, берет мой бокал, идет в кухню и выливает его содержимое в раковину.

– Ты рехнулся! – возмущаюсь я. – Это было дорогое бургундское!

– Значит, на сей раз твои деньги были потрачены зря, – отвечает он. Никакого намека на раскаяние или сожаление о содеянном.

Я захожу в кухню следом за ним.

– Нелепо выливать дорогое вино ради того, чтобы настоять на своих принципах.

Торговец отворачивается от раковины, и я с ужасом смотрю, как недопитая бутылка поднимается над журнальным столиком, пролетает через гостиную и оказывается в кухне, в его руке.

Он переворачивает бутылку, и до меня доносится журчание – мое драгоценное вино льется в раковину.

– Что ты творишь? – Я настолько шокирована его наглостью, что ничего не предпринимаю, просто смотрю, приоткрыв рот, на вино, утекающее в канализацию.

– Так проблемы не решают, – отвечает Торговец, тряхнув пустой бутылкой.

Шок сменяется праведным гневом.

– Я собиралась выпить бокал вина, ты, псих чертов, а не всю бутылку!

Он разжимает пальцы, бутылка падает в раковину, и я вздрагиваю от звука бьющегося стекла.

– Ты отрицаешь существование проблем, – сердито бросает Торговец и грубо хватается меня за руку, все это время глядя мне прямо в глаза.

Он касается пальцем одной из бусин.

– Что ты делаешь? – Меня охватывает тревога, пульс учащается.

– Забочусь о тебе, – отвечает он, все так же пристально глядя на меня.

Я невольно опускаю взгляд, чувствуя, что краснею. И вижу, как исчезает бусина, которой он касался.

Я приподнимаю брови. Какой бы расплаты он ни потребовал теперь, я знаю, что мне это очень не понравится.

– Ты собираешься мне сказать, что я должна сделать в обмен на эту бусину?

– Скоро ты сама все поймешь.

Глава 7

Ноябрь, восемь лет назад

С того вечера на прошлой неделе, когда Торговец пригласил меня прогуляться – и не куда-нибудь, а выпить кофе с пирожными, представляете! – половину вечеров мы проводим в моей комнате, а половину – в кондитерской на другом конце острова Мэн.

Он ведет себя со мной очень тактично и исключительно по-дружески; старается сохранять наши отношения платоническими, несмотря на то, что именно он платит за кофе и миндальное печенье, которые я заказываю в кафе «Дуглас», лучшей кондитерской острова. И несмотря на то, что мы много времени проводим в моей комнате, наедине.

Ситуация в корне неправильная.

Но мне не хочется ничего менять.

– Ну, так ты скажешь мне свое настоящее имя? – пристаю я к нему уже, наверное, в сотый раз. Сегодня мы остались в моей комнате в общежитии. Я лежу на кровати, рядом со мной – ноутбук, по экрану ползут титры фильма, который мы только что посмотрели.

В глубине души я до ужаса боюсь оглянуться и увидеть лицо Торговца. Я уверена, что он чуть не умер со скуки, просидев полтора часа на неудобном складном стуле и пересматривая «Назад в будущее» на крошечном экране.

Но, обернувшись, я вижу на его лице вовсе не скуку, а странное растерянное выражение. На лбу морщины, губы сжаты в тонкую линию.

– Торговец?

– Почему ты убила своего отчима? – спрашивает он, глядя мне в глаза.

Я выпрямляюсь, тело моментально напрягается, кровь стучит в ушах. Прежний страх снова захлестывает меня, отвратительные воспоминания возвращаются. Словно это было вчера: я чувствую на своем лице дыхание этого человека, смесь запахов перегара и дорогого одеколона.

– Почему ты спрашиваешь? – Голос дрожит, и я проклиная себя за то, что мне не удастся скрыть эмоции.

Торговец откидывается на спинку стула, сцепив руки на затылке, закинув ногу на ногу. Выглядит так, словно он расположился здесь надолго.

– Мне кажется, я заслуживаю объяснений, – говорит он, – поскольку я, как-никак, соучастник преступления.

Пытаюсь сглотнуть ком в горле. Нет, не следовало мне звать его сюда, проводить время в его обществе.

Глупая, глупая девчонка.

– Придется тебе обойтись без объяснений, – отвечаю я. И дело вовсе не в том, что я ему не доверяю – наоборот, доверяю, даже слишком.

Просто сама мысль о том, чтобы поделиться *этим* с Торговцем... сама мысль о подобном разговоре вызывает у меня слабость и тошноту.

Он долго-долго смотрит на меня, потом губы его медленно изгибаются в улыбке.

– Значит, тебе понравилось играть в тайны, маленькая сирена? – В его взгляде мелькает нечто похожее на насмешку, но это выражение тут же исчезает, и Торговец снова становится серьезным.

Он выпрямляется и упирает в колени руки, покрытые страшноватыми татуировками.

– Что бы он ни сделал тебе, это...

– Прекрати. Замолчи. – Я резко поднимаюсь с кровати, задеваю шнур и только в последний момент успеваю подхватить падающий ноутбук.

Торговец *знает*. С другой стороны, не требуется исключительных умственных способностей для того, чтобы понять, по какой причине внешне безобидная несовершеннолетняя девочка набросилась на своего отчима.

Я мысленно умоляю его не настаивать на объяснениях. Я прекрасно понимаю, что не умею скрывать своих чувств, что любой, глядя мне в глаза, может увидеть страдающую, истерзанную душу.

Силуэт Торговца расплывается. Должно быть, в какой-то момент, сама не осознавая этого, я заплакала, но замечаю слезы лишь сейчас, когда они застилают мне глаза.

Он чертыхается сквозь зубы, качает головой.

– Я должен идти.

Я моргаю, смахиваю слезы с ресниц.

Как, он уходит? Почему я чувствую себя такой несчастной при мысли о прощании, ведь минуту назад я горько сожалела о том, что попросила его о встрече?

Торговец поднимается со стула, следит взглядом за слезой, которая ползет по моей щеке, и я вижу на его лице сочувствие и печаль. От этого становится легче. Немного.

Я уже думаю, что сейчас он извинится за свою бестактность, но он не делает этого.

Он произносит два слова, которые мне гораздо нужнее любых извинений.

– Десмонд Флинн.

– Что? – не сразу понимаю я. Воздух в комнате дрожит, и фигура Торговца превращается в мираж.

– Это мое имя.

И только после того, как он исчезает, я понимаю, что он не добавил за эти сведения бусины на мой браслет.

Наши дни

Дес не говорит мне, куда мы направляемся, не рассказывает, какое у него для меня задание на сегодня. Когда мы взмываем над океаном, я знаю лишь, что он летит вдоль побережья, а не в глубь материка.

Я немного привыкла к полетам на руках Торговца и уже не жмурюсь, а разглядываю мерцающие звезды и волны, посеребренные светом луны. Несмотря на тьму, вид потрясающий. Я вдыхаю запах соленой воды, ветер развеивает волосы. И все это будит в моей душе тоску по прошлому, о котором я давно забыла – а может быть, тоску по тому, что я когда-то потеряла.

Я поворачиваю голову, разглядываю снизу крепкую шею Деса, смотрю на сильную челюсть.

«Эльф уносит меня в ночь». Звучит как фраза из сказок, тех, что я во множестве перечитала в детстве.

Медленно поднимаю взгляд на знакомые, такие прекрасные черты. Он замечает, что я люблю его лицом. Глаза его коварно блестят, но то, что он видит в *моих* глазах – чем бы это ни было, – заставляет его смягчиться.

Сердце уже в который раз готово выпрыгнуть из груди от волнения. Я делаю над собой неимоверное усилие и отворачиваюсь, пока этот взгляд не околдовал меня.

Дес делает вираж, и мы направляемся в открытое море.

Что нам может там понадобиться, с удивлением размышляю я. Немного погодя я получаю ответ на свой вопрос: из тумана появляются очертания острова Санта-Каталина. Сюда, на этот островок, расположенный неподалеку от калифорнийского побережья, местные приезжают на выходные. Большая часть Санта-Каталины необитаема. Мы пролетаем над Авалоном, главным городом острова, и движемся вдоль берега.

Огибаем утесы, и внизу я вижу белый каменный дом; в окнах горит свет, дом сияет в ночи, словно волшебный фонарик. Судя по маневрам Торговца, это и есть наша цель.

Я внимательно рассматриваю особняк. Он стоит на краю высокой скалы, почти как мой собственный дом; позади, на нескольких уровнях, расположен сад, террасы спускаются к границе участка.

Величественное строение из белого камня и стекла стремительно приближается; когда мы описываем круг перед парадным входом, мне удастся мельком разглядеть прекрасный ухоженный сад.

Торговец пронесится над газоном у крыльца, и, наконец, мы приземляемся.

Я спрыгиваю на землю и оглядываюсь.

– Куда ты меня принес?

Так, или примерно так, выглядит жилище моей мечты, дворец на краю света.

– Добро пожаловать в мой дом, – отвечает Дес.

– Твой дом? – не веря своим ушам, повторяю я. – Ты здесь живешь?

– Время от времени.

Я никогда не думала о Торговце в таком ключе, не думала, что у него есть дом. Смешно, конечно – он довольно часто посещает наш мир.

Я во все глаза разглядываю цветущую бугенвиллею и журчащий фонтан. За фонтаном в полумраке виднеются очертания особняка.

– Невероятно, – восхищенно говорю я. Мое собственное скромное жилище кажется мне жалкой лачугой.

Торговец оглядывается по сторонам с таким видом, словно хочет увидеть дом моими глазами.

– Рад, что тебе нравится. Ты моя первая гостья.

Я не знаю, что на это ответить.

– Правда? – неловко лепечу я.

Сначала он демонстрирует мне крылья. Теперь приводит меня в свое тайное убежище. Невиданные откровения. Не могу разгадать его мотивов.

– Ты чувствуешь себя неловко? – спрашивает он, понижая голос. – Оттого, что я принес тебя к себе домой?

Мне определенно кажется, что он именно к этому и стремится – чтобы я чувствовала неловкость.

И надо признаться, что у него это неплохо получается.

– Мне любопытно, только и всего, – отвечаю я, бросая на него вызывающий взгляд. В конце концов, он бывал у меня в спальне сотни раз, когда я была совсем юной.

Десмонд улыбается уголком рта, и его глаза кажутся мне совсем темными – видимо, он что-то задумал. Он протягивает мне руку.

– Тогда идем, нам нужно многое обсудить.

Я неторопливо рассматриваю холл, отполированный до блеска деревянный пол, сверкающие подсвечники на стенах. Отмечаю, что они не бронзовые и не стальные, а сделаны из какого-то драгоценного металла.

Я непроизвольно хмурю лоб, заметив на стене две венецианские маски. У меня в общении в Академии Пил были точно такие же. По коже бегут мурашки.

«Это ничего не значит». Серия панорамных снимков украшает стену холла и гостиную; фото сделаны в самых разных уголках света. Яркие базары Марокко, суровые тибетские горы, красные черепичные крыши Куско. Я видела все это собственными глазами – благодаря Торговцу, который идет рядом со мной.

Я чувствую на себе взгляд Деса, чувствую, что он пристально следит за моей реакцией.

Я неуверенно захожу в гостиную. На лохматой звериной шкуре стоит потертый кожаный диван. В качестве кофейного столика хозяин, судя по всему, использует большой деревянный сундук с потускневшими от времени медными заклепками.

– Скажи, что ты об этом думаешь, Калли.

Я в полном восторге.

Мне хочется ступить босыми ногами на пушистый ковер, почувствовать, как мех щекочет ступни. Мне хочется растянуться на диване, беззаботно болтать с Торговцем обо всем подряд, как много лет назад.

– А я и не знала, что ты живешь почти рядом со мной, – говорю я вместо этого.

Он смотрит на меня, прищурившись – как будто знает, что я не хочу отвечать искренне.

Я вытягиваю шею, пытаюсь увидеть, что скрывается в полутемном холле.

– Хочешь, устрою тебе экскурсию по дому? – спрашивает Десмонд. Он стоит, небрежно прислонившись к стене. В джинсах, сидящих низко на бедрах, с волосами, спутанными морским бризом, он выглядит, как... чистый секс, и надо сказать, что это сильно раздражает, когда пытаешься изгнать кого-то из своего сердца.

Не успев подумать как следует, я киваю.

Вот так изгнала из сердца.

Итак, Торговец показывает мне свой дом, начиная от безукоризненной кухни, полной разнообразных современных приспособлений и диковинной посуды, и заканчивая спальней для гостей, которую я на днях обставляла мебелью. Он не пускает меня лишь в две комнаты: в ту, где находится портал в Иной мир, царство фей, и в свою спальню, то есть в две самые интересные комнаты в доме.

В конце концов, мы возвращаемся в кухню, которая, несмотря на почти необжитой вид, кажется мне уютнее прочих помещений.

– Зачем ты привел меня сюда? – спрашиваю я, от нечего делать, открывая медный бидон, стоящий у стены. Сначала я думаю, что в бидоне мука, но когда на белый порошок падает свет, он мерцает.

Какое-то магическое вещество, пыльца фей?

Вместо ответа Дес отнимает у меня контейнер и берет мою руку. Проводит ладонью по бра슬ету.

– Сегодня мне нужна от тебя правда, – говорит он, и в его глазах я вижу озорной блеск. – Расскажи мне, херувимчик, чем ты занималась все эти семь лет?

Когда он произносит эти слова, я чувствую магическое вмешательство, побуждающее меня говорить. Оно не такое настойчивое, как прошлой ночью, потому что торопиться Торговцу некуда, но сопротивляться этой магии невозможно.

– Я училась в Академии Пил еще год, – начинаю я, – именно тогда я познакомилась с Темпер, своей лучшей подругой.

Могу поклясться, что Десмонд вздрагивает, услышав последние слова. Когда-то *он* был моим лучшим другом, как бы странно это ни звучало сейчас.

– Она помогла мне выдержать этот последний год. – Мне нет нужды уточнять, что *выдержать* пришлось расставание с ним, Торговцем.

Пальцы его чуть сильнее сжимают мое запястье.

– После выпускного мы с Темпер уехали из Англии. Здесь, в Лос-Анджелесе, мы основали свой бизнес.

– Ах да, это «Детективное агентство Западного Побережья», верно? – говорит он.

Я невольно поднимаю брови в изумлении.

– Ты о нем знаешь?

Он отпускает мою руку.

– Я Торговец, и мне известно все о вашем маленьком бизнесе. – Он говорит это таким тоном, как будто все знакомые и большинство незнакомых людей находятся у него под колпаком. – Похоже, не один я занят выведыванием чужих тайн.

Я не могу сказать, доволен он или раздражен этим обстоятельством.

– Это тебя беспокоит? – спрашиваю я.

– Мне приятно. И меня *злит* тот факт, что мне приятно. – Десмонд с мрачным видом скрещивает руки на груди. – Я никогда не хотел, чтобы ты стала такой, как я. – Он говорит это совершенно серьезным тоном.

– Не знала, что тебе есть дело до того, кем я стану. – Неужели это горечь в моем голосе? Но почему?

Торговец невесело улыбается.

– Расскажи мне о своей работе. – Сказано это довольно безобидным тоном, но я все равно чувствую, что от его магии не избавиться, и придется отвечать.

– Мы с Темпер занимаемся частными расследованиями. Она с помощью своих заклинаний ловит преступников, находит пропавших людей и... – ...и пугает людей до смерти. – И *все такое прочее*. Я пользуюсь чарами, чтобы заставлять всяких жуликов признаваться в мошенничестве и кражах, либо действовать против своей воли. – Говоря это, я думаю о Микки, своем последнем объекте.

Дес цокает языком.

– Калли, Калли, выходит, в основе твоего бизнеса – нарушение закона. *Бог мой*, как это знакомо!

Итак, я построила свою жизнь по его образу и подобию. И что с того?

– Подражание – самая искренняя форма лести, – отвечаю я.

Торговец наклоняется ко мне.

– Херувимчик, мне кажется, это немного *слишком* искренне. Хотя, как я уже сказал, мне это *действительно* приятно... Надеюсь, ты соблюдаешь необходимые меры предосторожности, чтобы не привлекать внимания властей?

Другими словами: надеюсь, тебя в ближайшее время не арестуют?

И снова Торговец ведет себя так, словно ему это действительно безразлично, могу поклясться! А между прочим, передо мной тот, кто занимает третью строчку в списке разыскиваемых преступников магического мира.

– Все нормально. – Я придвигаю к себе высокий табурет с мягким сиденьем и устраиваюсь на нем. – Собственно этим я и занималась последние семь лет.

Кручусь на табурете.

– Ты умолчала о некоторых деталях, – говорит он, обходя барную стойку, у которой я сижу.

Он мог бы этого и не говорить: я чувствую магическое принуждение, безмолвный приказ рассказывать дальше.

– О каких именно?

Дес стоит, облокотившись о каменную столешницу, и смотрит на меня немигающим взглядом.

– О своей личной жизни.

Я бросаю на него смущенный взгляд и чувствую, что краснею. Почему он, тот, кто бросил меня много лет назад, интересуется моей личной жизнью? Я всего лишь одна из его бывших клиентов.

И снова чары Торговца принуждают меня продолжать.

– Ты хочешь, чтобы я рассказала тебе об отношениях, которые у меня были за последние семь лет? Поверь, не о чем говорить.

Он приподнимает бровь.

– Ты все это время была одна?

Господи, это еще хуже, чем обсуждать интимную жизнь с гинекологом.

– А как насчет тебя? – вызывающе спрашиваю я. – Ты с кем был?

– Мы сейчас говорим не обо мне, а о тебе, и ты не ответила на вопрос. – Магия вонзает когти глубже, горло перехватывает.

– Восемь. Понял? У меня было восемь *бойфрендов*. – Я выделяю это слово интонацией, мысленно ставлю его в кавычки, потому что этих парней с большой натяжкой можно было назвать «моими парнями». Никто из них не продержался дольше шести месяцев.

Длительные отношения у меня не складываются.

Магия Деса по-прежнему не отпускает.

– Ну... и между ними еще несколько увлечений, ничего серьезного, – продолжаю я, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

Боже, я готова провалиться сквозь землю от смущения, и подумать только, я рассказываю все это объекту своей подростковой влюбленности. И чем дольше мы общаемся, тем сильнее становится моя уверенность в том, что это была не просто детская влюбленность. Нет, чем дольше он смотрит на меня своими серебристыми глазами, чем дольше я чувствую на себе этот взгляд соблазнителя, тем больше трещин появляется в броне, которой я окружила свое сердце. Похоже, эта броня была сделана из папье-маше.

Лицо Деса каменеет. Я немного волнуюсь при мысли о том, что его расстроил мой рассказ о бойфрендах и «несерьезных увлечениях».

– Ты любила кого-нибудь из них? – спрашивает он.

Я слегка наклоняюсь к нему.

– Это тебя не касается, – бормочу я растерянно, забыв рассердиться.

– Напротив; пока ты передо мной в долгу, это меня касается напрямую.

– Ты действительно собираешься заставить меня сказать это? – Это риторический вопрос, потому что я буквально чувствую, как Дес при помощи магии вытаскивает ответ у меня из глотки.

– Нет, никого из них я не любила. – *Наконец-то!* Щупальца магии разжимаются. – Ты доволен?

– Нет, херувимчик, – жестко бросает Торговец, и по его непроницаемому лицу я не могу понять, о чем он думает. – Я недоволен.

Я окидываю его оценивающим взглядом. Вся эта «расплата» с самого начала была самым настоящим фарсом. Поцелуй, покупка кровати, пара невинных признаний. Это все, о чем он просил меня до сих пор.

Я собственными глазами видела, как Торговец заставил политика изменить закон сверхъестественного мира в качестве расплаты за долги. Я видела, как он добивался признаний от людей, которым тайны были дороже собственной жизни.

Я опираюсь локтями о гранитную столешницу.

– Зачем ты вернулся в мою жизнь? Только не говори, что ты ни с того ни с сего решил, что и для меня настало время платить по счетам.

Он наклоняется ко мне так, что наши лица почти соприкасаются.

– Я решил вернуться не «ни с того ни с сего», как ты выразилась, Калли. Это было тщательно продуманное решение. – Он произносит эту фразу так многозначительно, словно открывает страшную тайну.

Я пристально смотрю на него.

– Почему, Дес?

Он какое-то время молчит, и, наконец, я вижу, как маска соскальзывает с его лица, и во взгляде мелькает нечто такое... не гнев, не горечь, не равнодушие... Сейчас всесильный Торговец кажется мне... уязвимым.

– Мне нужна твоя помощь, – в конце концов признается он.

Десмонд построил свою империю на чужих тайнах и долгах. Что я могу предложить ему такого, чего он не может получить от других?

– Знаменитый Торговец нуждается в моей помощи? – спрашиваю я с иронией в голосе. Но на самом деле я заинтригована.

– В Ином мире происходит нечто странное, – продолжает он, – и причину этих событий не могу выяснить даже я.

Иной мир. При упоминании о нем по спине бегут мурашки. Так называют потустороннее царство фей, эльфов и других волшебных существ, не знающих сострадания, царство тех, кому нет места на Земле. Все, у кого есть сверхъестественные способности, знают о нем, а те, у кого имеется хотя бы крупица здравого смысла, его боятся.

– Понятия не имею, чем я могу тебе помочь, – говорю я, и в этот момент холодильник у него за спиной открывается. Я заранее боюсь услышать ответ.

Из холодильника появляется бутылка сидра. Дверца закрывается, и с дальнего конца стола к нам скользит бутылка вина. В следующее мгновение открывается шкафчик с посудой, и из него медленно выплывают два бокала. Четыре предмета опускаются на стол перед Торговцем, и он наливает нам выпить.

– Мне нужно, чтобы ты выведала информацию у нескольких моих подданных.

Он подталкивает ко мне бокал с шипучим сидром. Я смотрю на напиток с опаской, но делаю небольшой глоток.

– А почему ты сам не можешь их допросить? – растерянно спрашиваю я.

Он качает головой, глядя куда-то мимо меня.

– Я могу, но лишь до определенного предела. А если перейти черту... они умрут.

– *Умрут?*

Господи, да о чем он говорит?

– Как и ты, я могу подчинять других своей воле. Но между твоими и моими способностями есть существенное различие.

Между нашими способностями есть множество различий. Дес, например, не светится всякий раз, когда использует их, и не пытается поймать объект, как это делает живущая во мне сирена, похотливая сучка.

– Твои чары не дают жертве возможности отказаться от выполнения приказа, – продолжает он. – Когда тебе нужно, чтобы человек заговорил, он говорит. Если тебе понадобится, чтобы человек станцевал на улице нагишом, он это сделает. Только так и никак иначе.

Торговец покачивает в руке бокал с вином.

– А что касается *моей* магии, – продолжает он, – то существо, по отношению к которому я ее применяю, способно выбирать. Он или она в состоянии отказаться выполнить приказ – но это равносильно смерти. Иными словами, мой объект, при желании, может выбрать смерть в одежде вместо танцев голышом в общественном месте. Или может умереть молча, не выдав своих секретов.

Вот как. Не знала этого...

– Но в конце концов ты заставляешь говорить всех, – замечаю я.

Прежде чем ответить, Торговец делает большой глоток вина.

– Большинство разумных существ хотят жить.

Я некоторое время обдумываю сказанное.

– Значит, твои подданные отказываются выдавать тебе секреты, предпочитая умирать?

Он кивает, пристально рассматривая свой бокал.

Ничего себе. Даже представить не могу, что за тайна в этом мире может быть дороже жизни.

– В твоем плане есть изъян, – говорю я. – Я не могу очаровать фей и эльфов.

Торговец поднимает голову и смотрит на меня.

– Я не прошу тебя очаровывать фей.

Это сбивает меня с толку.

– Тогда чего же ты просишь?

Его глаза, сверкающие в свете луны, загадочны, как всегда. Видимо приняв какое-то решение, он обходит стол, берет второй табурет и придвигается ко мне.

– В Ином мире что-то... неладно. – Его голос становится тише, он выбирает слова осторожно, желая смягчить сказанное. – В моем королевстве начались волнения, и в соседних королевствах тоже. Жители исчезают – многие, очень многие. Воины пропадают бесследно. Только женщины... вернулись. И мне необходимо выяснить, что с ними произошло.

– А почему они сами не расскажут тебе об этом? – в недоумении спрашиваю я.

– Они не могут. – На лице Деса написано страдание.

– Они мертвы?

Он отрицательно качает головой.

– Не совсем. Но и не живы.

Я начинаю, в свою очередь, вертеть в руках бокал с сидром.

– Я все-таки не понимаю, чего ты хочешь от меня, Дес?

– Феи не станут говорить со мной. – Я вижу, как старательно он подбирает слова. – Но феи – не единственный народ, населяющий Иной мир.

И внезапно я все понимаю.

– Подмененные дети, – едва слышно говорю я. Люди, похищенные эльфами, уведенные в Иной мир. Большинство из них становятся рабами.

– Я обязан защитить свое королевство.

Я замираю. В свое время мне чрезвычайно редко удавалось вытянуть из Деса даже пару фраз о его другой жизни, о той жизни, где он вовсе не бандит и ночной кошмар. О той жизни, где его называют королем, и где он правит всеми этими существами, пугающими людей по ночам.

– Значит, ты хочешь забрать меня в свое королевство, – уточняю я. – И хочешь, чтобы там я очаровала твоих рабов...

– Они не рабы, – недовольно перебивает он.

– Не стоит считать меня полной дурой, Дес. Они никогда не знали другой жизни, но это вовсе не значит, что они выбрали ее добровольно.

– Никто из нас не выбирает, где и когда жить, – говорит он и смотрит мне в глаза так, словно пытается заглянуть мне прямо в душу.

– Ты хочешь, чтобы я силой вырвала правду у людей, живущих в твоём королевстве, несмотря на то, что это совершенно аморально и, возможно, будет для них хуже смерти.

– Если не ошибаюсь, до сегодняшнего дня тебя не слишком волновали вопросы морали при использовании чар, – усмехается он.

– Потому что те, против кого я применяла чары, не были жертвами. – Все они были преступниками, крупными или мелкими.

Я продолжаю:

– А тебе не приходило в голову, что если Король Ночи, со всеми его чарами, обещаниями и угрозами, не может вынудить этих людей говорить, то следует просто оставить их в покое?

– Калли, – шепчет Дес, наклоняясь ко мне. – Феи умирают. Люди умирают. С Иным миром что-то происходит, и происходит прямо у меня под носом.

– А что, если я откажусь? – спрашиваю я.

Стиснув зубы, он несколько секунд внимательно смотрит на меня.

– Я заставлю тебя. Несмотря ни на что.

Ну конечно, так я и думала. Он предпочел бы добровольное согласие, но воспользуется моими способностями в любом случае.

– Значит, у меня просто нет выбора, – говорю я. – Я сделаю это.

Вот так и вышло, что я снова имею дело с Торговцем.

Глава 8

Декабрь, восемь лет назад

– Скажи, а чем ты занимаешься, когда не заключаешь сделок? – спрашиваю я Деса, который, растянувшись на полу в моей комнате, листает учебник.

В руке у него ручка, и я уже не раз видела, как он царапает что-то на полях. Я начинаю всерьез опасаться, что он рисует в моем учебнике что-нибудь неприличное, но когда мне удастся подсмотреть, я вижу собственный портрет. Всего лишь набросок, но очень похоже – черт возьми, помимо всего прочего, он еще и талантливый художник.

– И когда не свожу с ума маленькую сирену? – добавляет он.

– Да, что ты делаешь кроме этого? – улыбаюсь я.

Из коридора доносится смех соседок по этажу – они спешат в столовую, на обед. Они стучат в соседнюю дверь, приглашая Шелли и Тришу пойти с ними. Я слышу их шаги у своей двери, и у меня возникает крохотная, робкая надежда на то, что они постучатся и ко мне – несмотря на то, что Десмонд здесь.

Но девушки проходят мимо, не задерживаясь.

– Ты же знаешь, они нас не слышат, – замечает Дес, не поднимая взгляда от учебника.

Я этого *не* знала, но не раз удивлялась про себя тому, что никто ни разу не спросил насчет мужского голоса, доносящегося из моей комнаты. Стены здесь тонкие, как бумага.

– Это очень любезно с твоей стороны, Дес, – говорю я.

– Мне не нравится, когда посторонние суют нос в мои дела. К тебе это не имеет отношения.

– Ну конечно. – Боже упаси, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы за Торговцем закрепилась репутация доброго человека.

– Кроме того, мое имя – Десмонд, а не... *Дес*, – раздраженно добавляет он.

Значит, уменьшительное имя его раздражает? Вот зануда.

– Я перестану называть тебя *Десом* как только ты прекратишь звать меня *херувимчиком*. Он что-то неразборчиво ворчит.

Я устраиваюсь в компьютерном кресле и некоторое время смотрю, как он рисует. И пока я сижу так, пристально глядя на него, сердце то замирает, то снова начинает колотиться.

Закрыв глаза, я могу вообразить, что мы с ним вовсе не в убогом общежитии, что я не должна платить Торговцу за его визиты, что я нравлюсь Десу не меньше, чем он – мне.

Но в следующую секунду я вспоминаю, что он согласен оставаться со мной не дольше четырех часов в сутки. Я живу ради этих четырех часов, но как насчет него? Возможно, время, проведенное со мной, для него всего лишь что-то вроде оплачиваемого отпуска. Но чем же он *на самом деле* занимается, когда не выведывает чужих тайн и не взымает долгов? Как, например, он развлекается?

Может, он крадет сладости у детишек, или вытворяет нечто еще более ужасное и отвратительное.

– Так чем ты занимаешься в свободное время? – снова спрашиваю я.

Он переворачивает страницу учебника.

– Я тебе расскажу, но не бесплатно, – отвечает он.

Пожимаю плечами. На моем запястье уже двойная нить бусин. Одной больше, одной меньше, какая разница?

– Хорошо, добавь еще бусину.

Я смотрю на запястье, и на нити появляется еще один тусклый черный шарик.

– Я правлю. – При этом он даже не оборачивается.

Я жду продолжения, но Торговец молчит.

– О, ну же, давай дальше, – говорю я. – Ты сказал всего два слова.

Я считаю, что заслуживаю подробного ответа, поскольку однажды мне придется за него заплатить. Скорее всего, когда-нибудь, чтобы избавиться от этого браслета, мне придется сыграть в реалистичную версию игры «Переспи-женись-убей».

– Мое имя тоже состоит из двух слов. Но тогда ты не жаловалась. – Он начинает рисовать мои губы.

– За ответ на вопрос о своем имени ты не добавил бусины, – возражаю я.

– Это было проявление расточительности, которое я не намерен повторять. – Он говорит резко, отрывисто.

Я скрежещу зубами.

Сажусь на пол рядом с ним и выхватываю у него из пальцев ручку.

– А чем именно ты правишь? – настойчиво спрашиваю я.

Торговец перекачивается на бок, подпирает голову рукой. На губах играет самодовольная ухмылка, прядь белых волос падает на глаза. Он внимательно смотрит на меня несколько мгновений, потом сдается.

– Я Король Ночи.

– Король Ночи? – недоверчиво повторяю я. Это еще что такое?

– В Ином мире, – поясняет он и забирает у меня ручку.

Иной мир.

Я плююсь на него, как дурочка.

Иной мир.

Черт возьми, этот парень – эльф! Нет, не просто эльф, а *король* эльфов и фей. Правитель государства, населенного самой жестокой и безжалостной из всех разумных рас.

А я вела себя с ним не очень-то *вежливо*.

– Выходит, ты... занимаешь высокое положение, – говорю я.

Он слегка наклоняет голову набок, и взгляд у него по-прежнему такой, словно этот разговор его забавляет.

– Вроде того.

Чтоб мне провалиться, а я и не знала!

Я разглядываю его растрепанные белые волосы, мускулистую фигуру, татуировки, черную одежду.

– Что-то ты *не похож* на короля, – замечаю я.

– А ты *не похожа* на девушку, которая заключает сделки с Торговцем, херувимчик. И что?

Действительно.

Король Ночи. Звучит грозно.

– А где твои крылья? – спрашиваю я.

Он окидывает меня раздраженным взглядом.

– Отстегнул.

Должно быть, Дес понимает, что я не отстану, потому что закрывает учебник и откладывает его в сторону.

Добиться внимания Торговца – все равно, что смотреть в глаза тигру. Вы хотели всего лишь погладить красивое животное, но как только оно встречается с вами взглядом, вы понимаете, что хищник сейчас разорвет вас на кусочки.

– Скажи мне, херувимчик, ты хотела бы побывать в моем королевстве? – спрашивает он бархатным голосом.

Это что, уловка? Я чувствую, что сейчас, так или иначе, попадусь в ловушку.

– А ты возьмешь меня с собой? – спрашиваю я, стараясь не выдать волнения – да и страха, если честно. Все, что я знаю об Ином мире, вызывает лишь страх. Но мысль об экскурсии по

волшебному миру с самим Королем Ночи в качестве гида почему-то кажется мне невероятно привлекательной.

– Конечно, возьму, – обещает он, но в его глазах вспыхивает зловеющий огонек. – Однажды я не оставлю тебе иного выбора.

Наши дни

Вскоре после того, как я соглашаюсь помочь Десу, он приносит меня домой. Заручившись моим согласием, он отправляется в свой мир, чтобы сделать необходимые приготовления. Завтра мы начнем расследовать странные исчезновения. Послезавтра я буду допрашивать подменышей. А это значит, что мне придется посетить Иной мир и впервые в жизни увидеть королевство Деса.

Я стою во дворе своего дома и смотрю, как Торговец улетает в ночь. И должна сказать, что мне очень хочется последовать за ним.

Он вовсе не обязан был показывать мне свой дом, но он пригласил меня в гости. Точно так же он вовсе не обязан был показывать мне крылья – но показал. Если ему хотелось меня смутить, то своей цели он, безусловно, добился.

Когда Десмонд исчезает во тьме, я возвращаюсь в дом и иду в кухню. Застав меня за бутылкой вина, он забрал одну бусину. Он так и не объяснил, за что именно, хотя у меня имеются кое-какие подозрения на этот счет.

Я больше не в силах сопротивляться одолеваящему меня любопытству. Настало время проверить свою теорию и молиться Богу, чтобы я ошибалась.

Я достаю из буфета бутылку виски «Джеймисон», отвинчиваю крышку, и до меня доносятся первые ноты аромата спиртного. На секунду замираю. Если недавнее списание долга – именно то, о чем я думаю, это может оказаться не слишком приятно. Эта тревожная мысль останавливает меня на некоторое время, но я все равно подношу горлышко бутылки к губам и делаю долгий глоток.

Я чувствую на языке вкус янтарной жидкости, ощущаю жжение в желудке и приятное головокружение. Закрываю глаза, наслаждаюсь вкусом виски, теплом, разливающимся по телу.

Еще мгновение, и я расслабляюсь.

Я думала, он сделал так, чтобы я больше не могла пить алкоголь, но, очевидно, моя теория оказалась неверной.

Я с облегчением закрываю бутылку.

И только переступив порог спальни, я чувствую *это*. Желудок сводит. Я судорожно глотаю и останавливаюсь. Отвратительное ощущение исчезает, и я делаю еще три шага, но внезапно спазмы возвращаются. Тошнота подступает к горлу, ноги подкашиваются, и я чувствую во рту мерзкий вкус желчи.

Вот гад!

Я бросаюсь в ванную и лишь в последний момент успеваю склониться над унитазом. Содрогаюсь всем телом, извергаю из себя этот несчастный глоток виски. Чувствую, как чужая магия заставляет мои внутренности избавиться от спиртного, и магия действует так же безотказно, как и в тот, первый раз, в мебельном магазине. Ей невозможно сопротивляться. Я чувствую ее железную хватку. Вижу, как побелели костяшки пальцев, вцепившихся в край унитаза. Теперь я знаю, в обмен на что Десмонд забрал ту бусину.

Трезвый образ жизни.

Ну что ж, теперь Торговец может не опасаться ни оборотней, ни полиции, ни охотников за головами. Этот ублюдок *мой*.

Вечером следующего дня, когда Десмонд Флинн открывает раздвижную стеклянную дверь и входит в мою гостиную с таким видом, словно дом принадлежит ему, я готова к встрече.

– Я. – Швыряю в голову Торговцу бутылку виски. – Ненавижу. – Теперь очередь бокала. – Тебя. – В голову ему летит бутылка пива.

Торговец исчезает каждый раз, когда снаряд должен соприкоснуться с его телом. И снова появляется мгновение спустя – так он и мерцает, приближаясь ко мне. Стекло разлетается вдребезги, разбиваясь о стену у него за спиной; на стене образуется большое желтое пятно, на деревянном полу – пахучая лужа.

– Не слишком любезно ты меня встречаешь, – рычит он.

Я отступаю, чтобы набрать еще «боеприпасов». Весь мой запас спиртного выставлен на столе. Я решила использовать в своей «учебной стрельбе» бутылки, поскольку ясно, что другого применения им больше не найду.

Торговец снова исчезает, потом появляется прямо передо мной.

– Нас ждет работа.

– Можешь взять свою работу, – шипящим голосом отвечаю я, – и засунуть ее...

– Стоп, стоп, стоп, – перебивает он, берет меня двумя пальцами за подбородок и прижимает спиной к столешнице. – Находясь в моем обществе, ты должна быть осторожнее в своих желаниях, дорогая. Возможно, мне больше всего на свете хочется взять свою работу и засунуть ее куда-нибудь в такое место, куда никогда не попадает солнечный свет.

Из прошлого опыта я знаю, что когда Торговец в плохом настроении, он обожает развлекаться, извращая слова своих клиентов. Услышав это высказывание, живущая во мне сирена начинает петь – вот сучка! Остальная часть меня зла, как черт.

Торговец, судя по всему, догадывается о моем внутреннем конфликте, потому что его зрачки расширяются, и глаза становятся совершенно черными.

– Пора идти.

– Не пойду, – упрямо говорю я.

– Это не просьба. – Он тащит меня за собой, прочь из гостиной, к стеклянной двери, ведущей во дворик.

Я замечаю, как осколки стекла и капли виски и пива поднимаются с пола, отрываются от стены и летят по направлению к мусорному ведру и раковине. Торговец снова наводит порядок в моем доме после своего возмутительного поступка.

По пути я пытаюсь вырваться.

– Дес-монд. Отпусти меня. *Сейчас же*. – Сирена всплыла на поверхность, я говорю ее голосом, и от этого мой сердитый приказ звучит соблазнительно.

Но он, вместо того, чтобы отпустить меня, хватает и перекидывает через плечо.

– Продолжай в том же духе, херувимчик, – говорит Торговец. – Ты не представляешь, как это меня возбуждает. – С этими словами он похлопывает меня по заднице, и я прихожу в бешенство.

– Опusti меня на землю, извращенец!

Но вместо того, чтобы поставить меня на землю, он перехватывает меня так, чтобы мои ноги обхватывали его талию, а руки – обнимали за шею. Я извиваюсь и пытаюсь вырваться, но руки у него железные, и я чувствую себя связанной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.